

Онъ родился въ 1785 г. въ Карлсруэ; слушалъ лекціи въ университетѣ въ Галле; сначала занимался теологіей, но потомъ подѣ влияніемъ Шлейермахера и въ особенности Вольфа предался изученію филологіи. Въ 1807—11 г. Бекъ занималъ кафедру въ Гейдельбергскомъ университетѣ и стоялъ близко къ кружку романтиковъ. Въ ту пору будущій авторъ „Государственнаго хозяйства аѳинянъ“ и основатель современной эпиграфики съ особеннымъ увлеченіемъ изучалъ Платона, трагиковъ и Пиндара; ими впрочемъ и впослѣдствіи онъ не переставалъ интересоваться (особенно Платономъ). Кромѣ того, уже тогда его занимала мысль написать сочиненіе подѣ заглавіемъ „Hellen“, въ которомъ была бы изображена греческая жизнь и культура со всѣхъ ея сторонъ.

Въ 1811 г. Бекъ былъ приглашенъ въ Берлинскій университетъ. Университетъ этотъ, какъ извѣстно, былъ основанъ послѣ разгрома Пруссіи и долженъ былъ служить средствомъ къ поднятію и возрожденію ея, дабы, выражаясь словами Фридриха Вильгельма III, „духовными силами возмѣстить потерю въ силахъ физическихъ“, матеріальныхъ. На первыхъ же порахъ въ немъ преподавали такіа свѣтила тогдашней науки и философіи, какъ Нибуръ, Савиньи, Фихте, учителя Бека — Вольфъ и Шлейермахеръ, перешедшіе изъ Галле, и друг. Въ ихъ среду вступилъ и Бекъ. Кромѣ того, въ 1814 г. онъ дѣлается членомъ Берлинской Академіи Наукъ и сближается съ знаменитыми братьями Гумбольдтами.

Бекъ былъ того мнѣнія, что Академія должна взять на себя такіа задачи и предпріятія, которыя не по силамъ отдѣльнымъ лицамъ, и какъ только кончилась война за освобожденіе Германіи, въ началѣ 1815 г. онъ внесъ въ Академію предложеніе издать собраніе всѣхъ античныхъ надписей—*Thesaurus inscriptionum*—и начать изданіе съ греческихъ ¹⁾. Предложеніе было принято съ воодушевленіемъ. Самое предпріятіе казалось сравнительно нетруднымъ: съ изданіемъ греческихъ надписей надѣялись справиться въ теченіе какихъ-нибудь 4 лѣтъ и обойтись всего 6000 талеровъ; предполагалось, что все изданіе займетъ одинъ толстый фоліантъ или два небольшихъ. Съ тѣхъ поръ, по справедливому

*Corpus
Inscript.
Graec.*

¹⁾ Кромѣ упомянутыхъ на предыд. стр., въ прим., біографій Бека и труда Гарнака, см. Larfeld, *Griechische Epigraphik*² (1892), въ коллекціи Iw. v. Müller.

замѣчанію историка Берлинской Академіи, Гарнака, прошло болѣе 80 лѣтъ; изданіе превратилось въ цѣлую бібліотеку и осуществленіе его стоитъ вдесятеро дороже предполагаемой суммы; оно не окончено еще и теперь, да, собственно говоря, никогда и не можетъ быть окончено, такъ какъ постоянно находится все новый и новый матеріалъ.

Для осуществленія предпріятія избрана была коммиссія (Нибуръ, Шлейермахеръ, Буттманъ, Беккеръ и Бекъ) и рѣшено было вступить въ сношенія съ иностранными учеными и учрежденіями, въ особенности съ греческими обществами на о-вѣ Корфу, въ Фессаліи и въ Аѣинахъ. Предполагалось переиздать по одному общему плану надписи, уже опубликованныя раньше, но разбѣянные въ разныхъ изданіяхъ, критически очистивъ ихъ текстъ, устранивъ фальсификаціи и т. д. О списываніи надписей, о точныхъ снимкахъ съ нихъ, провѣркѣ и сличеніи ихъ на мѣстѣ, о командированіи ученыхъ въ Грецію въ то время и не думали: до 20-хъ годовъ прошлаго вѣка Греція находилась подъ турецкимъ игомъ, въ 20-хъ годахъ происходила ожесточенная борьба за ея освобожденіе и страна была малодоступна для европейцевъ. Душою всего дѣла по изданію греческихъ надписей былъ Бекъ: на него возложена была редакція; на него легла и главная тяжесть работы. Въ 1817 г. онъ на время ее прервалъ, отчасти вслѣдствіе различныхъ затрудненій и непріятностей, отчасти отвлеченный другими занятіями; но съ 1820 г. онъ снова принимается за нее энергично: въ концѣ 1821 г. имъ было собрано уже болѣе 5000 надписей и въ 1823—4 г. можно было уже приступить къ печатанію. Первый выпускъ появился въ 1825 г., а въ 1828 г. вышелъ весь I томъ знаменитаго „Corpus Inscriptionum Graecarum“.

Трудность предпріятія при тогдашнихъ условіяхъ, многочисленныя обязанности и работы самого Бека, все это задерживало изданіе продолженія: II томъ вышелъ лишь въ 1843 г. Вслѣдствіи Бекъ привлекъ къ этому дѣлу сотрудника въ лицѣ Franz'a, автора руководства по греческой эпиграфикѣ (*Elementa epigraphices Graecae*. 1840), который подъ его руководствомъ обработалъ собранный имъ матеріалъ, именно большую часть III-го тома (3 выпуска его вышли въ 1845—51), а послѣ смерти Франца продолженіе его работы возложено было на Эрнста Курціуса (издававшего 4-й выпускъ III т. въ 1853 г. и 1-й выпускъ IV т.). Преемникомъ Курціуса, перешедшаго въ Геттингенъ, явился Ад.

Кирхгофъ, выпустившій въ 1859 г. второй fasciкулъ IV т. Регистръ къ Corp. Inscr. Graec., какъ было упомянуто (стр. 19), изданъ лишь въ 1877 г., т. е. уже 10 лѣтъ спустя послѣ смерти Бека.

Такъ окончень былъ монументальный Corpus Inscriptionum Graecarum, послѣ почти полувѣковой работы, хотя и съ большими промежутками. Этимъ положено было начало цѣлому ряду подобныхъ же сборниковъ эпиграфическаго матеріала. О значеніи надписей, какъ историческаго источника, я не буду здѣсь распространяться, такъ какъ касался этого уже раньше (на стр. 14 и слѣд.). Бекъ явился такимъ образомъ основателемъ современной эпиграфики. Самъ онъ никогда не былъ въ Греціи или на островахъ Архипелага, въ отличіе отъ большинства послѣдующихъ эпиграфистовъ, не изучалъ и не сличалъ надписей самъ на мѣстѣ, не открывалъ новыхъ; въ его Corp. Inscr. Graec. есть немало ошибокъ и недостатковъ, чтó и подало поводъ къ рѣзкой критикѣ и нападкамъ со стороны одного изъ тогдашнихъ корифеевъ классической филологіи въ Германіи, Готфрида Германа и другихъ противниковъ Бека. И тѣмъ не менѣе работа Бека была колоссальная и результаты въ общемъ блестящи. Бекъ положилъ начало надлежащему собиранію, изданію и изученію надписей; онъ созналъ все значеніе послѣднихъ и во всеуслышаніе заявилъ (въ предисловіи къ 1-му изданію своего „Государственнаго хозяйства аѳинянъ“), что только послѣ того, какъ будутъ собраны надписи, можно будетъ приняться за изображеніе внутренней исторіи эллинскаго народа. Онъ собралъ громадный эпиграфическій матеріалъ; онъ добылъ лучшія, болѣе точныя списки многихъ надписей и доказалъ подложность нѣкоторыхъ (собранныхъ Фурмономъ); во многихъ случаяхъ установилъ болѣе правильный текстъ, причемъ обнаружилъ замѣчательное и всестороннее знаніе древности, обширную ученость, критическій талантъ и даръ дивинаціи; онъ далъ образцовыя объясненія надписей, опредѣляя время каждой и ея историческій смыслъ. Въ Corp. Inscr. Graec. мы встрѣчаемъ иногда цѣлыя изслѣдованія Бека. Можно указать напр. во II т. на исторію греческихъ колоній у Боспора и комментарий къ Паросской хроникѣ.

Въ связи съ работами Бека надъ Corp. Inscr. Graec. стоитъ замѣчательная монографія его о государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ (Die Staatshaushaltung der Athener), для которой главный матеріалъ дали ему надписи. Монографія эта вышла въ свѣтъ

„Государ-
ственное
хозяйство
афинян“.

впервые въ 1817 г.¹⁾ Бекъ посвятилъ ее Нибуру, какъ великому знатоку древности, „dem scharfsinnigen und grossherzigen Kenner des Alterthums“.

Какъ было упомянуто, Бекъ давно уже имѣлъ въ виду въ одномъ трудѣ подъ заглавіемъ „Hellen“ охватить всю греческую жизнь; но оказалось, что предварительно необходимо изслѣдовать отдѣльныя части. Изученіе греческихъ древностей, говоритъ Бекъ въ предисловіи къ 1-му изданію „Die Staatshaushaltung der Athener“, находится еще въ зародышѣ; имѣется большой матеріалъ, но большинство не умѣетъ имъ пользоваться. Изложеніе цѣлаго, обработаннаго въ научномъ духѣ и съ широкой точки зрѣнія, а не такъ, какъ до сихъ поръ, составляетъ по мнѣнію Бека, потребность времени; это не должно быть грубой и безсвязной грудой,—это должно быть произведеніе не какого-нибудь собирателя, а изслѣдователя и знатока. Но прежде чѣмъ такая потребность можетъ быть удовлетворена, должны быть обработаны отдѣльныя части не по мелкому масштабу.

И вотъ Бекъ изслѣдуетъ предметъ, на который до него менѣе всего обращали вниманіе,—хозяйство аттического государства, „величайшаго и благороднѣйшаго изъ всѣхъ эллинскихъ“. Но онъ понимаетъ задачу широко. „Ни жизнь древности безъ знанія ея финансовъ“, замѣчаетъ онъ, „ни ея финансовая система безъ болѣе точнаго изученія внутренняго строя государства и публичной жизни не могутъ быть поняты“. Сообразно съ этимъ въ I томѣ мы имѣемъ изслѣдованіе о цѣнѣ, заработной платѣ и процентѣ въ Атикѣ (1-я кн.); о финансовомъ управленіи и расходахъ (2-я кн.); объ обыкновенныхъ доходахъ (3-я кн.) и доходахъ чрезвычайныхъ Аѣинскаго государства, а также объ особыхъ финансовыхъ мѣрахъ грековъ (4-я кн.). II томъ содержитъ приложенія—надписи (списки дани аѣинскихъ союзниковъ) и ихъ разборъ. Въ III томѣ, который вышелъ лишь въ 1840 г., подвергнуты изслѣдованію надписи (преимущественно списки кораблей въ IV в. и т. под.), собранныя Ludw. Ross'омъ во время пребыванія его въ Греціи и доставленные имъ Беку; онъ, такъ

¹⁾ Первые два тома (III томъ, содержащій Urkunden über das Seewesen d. Attisch. Staates, появился въ 1840 г.); 2-е изданіе вышло въ 1851 г., а 3-е—, въ обработкѣ Макса Френкеля, почти 20 лѣтъ спустя послѣ смерти автора, въ 1886 г.

сказать, документально знакомить насъ съ состояніемъ морскихъ силъ и морскаго дѣла въ Аѣинахъ.

„Die Staatshaushaltung der Athener“ Бека принадлежитъ къ тѣмъ трудамъ, которые нѣмцы называютъ *epochemachend*, „дѣлающими эпоху“. Прежде всего замѣчательна здѣсь самая тема. Лишь въ недавнее время вполнѣ признана важность экономическихъ факторовъ въ исторіи, въ томъ числѣ и древней, и лишь въ трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей этимъ факторамъ удѣляется надлежащее мѣсто; прежде же, особенно въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., обыкновенно восхищались стремленіемъ грековъ къ прекрасному, ихъ литературой и искусствомъ, но мало были знакомы съ самымъ механизмомъ ихъ государственнаго строя, съ условіями его существованія; грековъ склонны были представлять себѣ въ идеальномъ видѣ, какими-то неземными существами. Бекъ остановилъ свое вниманіе на самой прозаической сторонѣ и назадъ тому болѣе 80 лѣтъ заговорилъ о такихъ вещахъ, какъ цѣна, заработная плата, проценты, финансовое управленіе, расходы, доходы... По темѣ и содержанію трудъ Бека опередилъ его эпоху и стоитъ въ уровень съ современными требованіями и задачами исторической науки. Бекъ чрезвычайно расширилъ рамки классической филологіи, какъ науки, и, самъ филологъ, далъ трудъ, чрезвычайно важный и для историка, и для политико-эконома. Въ своемъ трудѣ онъ затрогиваетъ множество вопросовъ изъ экономической и финансовой жизни Атики; онъ поинтересовался узнать, чтó ѣли аѣиняне? чтó стояли у нихъ предметы первой необходимости, хлѣбъ, жилища? какъ велико было населеніе Атики, въ частности—число рабовъ? каковы были источники благосостоянія и какъ велико богатство отдѣльныхъ лицъ? какъ функционировалъ государственный механизмъ у аѣинянъ въ самыхъ его мелочахъ и т. д. Онъ касается всего хозяйственнаго организма Аѣинскаго государства, самыхъ основъ его существованія, его внутренней жизни, административнаго и политическаго строя, его механизма. Такимъ образомъ трудъ Бека важенъ для знакомства не только съ хозяйствомъ и финансами, но и вообще съ жизнью и строемъ Аѣинскаго государства.

Не слѣдуетъ однако думать, чтобы Бекъ стоялъ на той односторонней точкѣ зрѣнія, на какой стоитъ современный „экономическій матеріализмъ“. Напротивъ, онъ признавалъ все значеніе духовныхъ факторовъ, всю важность того „духа, который оживляетъ государство“. „Духу все подчинено“, говоритъ Бекъ, „онъ

обеспечилъ афинянамъ высокое мѣсто среди народовъ всемірной исторіи... Но духъ нуждается, кромѣ доблести души, для внѣшней дѣятельности еще и въ матеріальныхъ силахъ, которыя всѣ продаются за деньги: эта могущественная пружина приводитъ въ движеніе весь механизмъ человѣческой дѣятельности“. Бекъ называетъ Аѳинское государство „величайшимъ и благороднѣйшимъ изъ всѣхъ эллинскихъ“; но онъ далекъ отъ столь распространенной въ его время идеализаціи древнихъ. „Цѣлью“, говоритъ онъ, „я поставилъ себѣ истину и не сожалею, если безусловное почитаніе древнихъ должно быть умѣрено, ибо оказывается, что гдѣ они касались золота, тамъ и къ ихъ рукамъ приставала грязь. Или исторія прошлаго должна писаться только для воодушевленія юношества? долженъ ли изслѣдователь древности скрывать, что и тогда, какъ теперь, все подъ солнцемъ было несовершенно?“ „Признаемся лучше“, продолжаетъ Бекъ, „что многіе изъ превосходнѣйшихъ людей древности страдали недостатками, общими человѣческому роду“. „Мы признаемъ“, говоритъ онъ далѣе, въ концѣ I-го тома, „великое и возвышенное въ исторіи грековъ; мы согласны, что иное у нихъ было лучше, чѣмъ въ нашихъ государствахъ, лучше, чѣмъ въ испорченной до отвращенія римской имперіи, въ рабски согбенномъ Востокѣ; но многое было также и хуже, чѣмъ у насъ. Только односторонность или поверхностность видитъ въ древности всюду идеалы... Всмотритесь во внутрь эллинской жизни, государственной и семейной: вы найдете даже у самыхъ благородныхъ племенъ глубокую нравственную порчу проникнутою до мозга костей народа... Элліны въ блескѣ искусства и въ расцвѣтѣ свободы были несчастнѣе, чѣмъ большинство думаетъ: они носили гибель въ самихъ себѣ, и дерево должно было быть срубленнымъ, когда оно стало гнилымъ“. Такой взглядъ на грековъ былъ тоже новостью для того времени. И при всемъ этомъ еще необыкновенная „solidность“ работы ¹⁾, новизна—опять-таки для того времени—и документальность положеннаго въ основу матеріала: всѣ поставлен-

¹⁾ Извѣстный современный нѣмецкій ученый Вилламовицъ-Меллендорфъ говоритъ: „Es wird überhaupt Böckhs wissenschaftliche Grösse unverantwortlich wenig gewürdigt. Wer ihm einmal ein Stück nachgearbeitet hat, kann sich gar nicht genug thun in der Bewunderung von solcher Solidität der Arbeit: mir ist nichts Vergleichbares begegnet“ (Reden und Vorträge. Berlin. 1901, стр. 71, прим.).

ные вопросы Бекъ разсматриваетъ тщательно, съ великимъ знаніемъ дѣла; онъ привлекаетъ новый, дотолѣ неиспользованный и малоизвѣстный, источникъ — надписи, съ ихъ документальными данными. Прошло уже 86 лѣтъ со времени появленія монографіи Бека, но она до сихъ поръ остается „освнвною“ („grundlegend“) по вопросамъ, касающимся афинскихъ финансовъ и финансового управленія (особенно во 2-мъ изд., не говоря уже о 3-мъ).

Другіе труды Бека.

Бекъ явился основателемъ и сравнительной метрологіи. Подготавливая второе изданіе „Государственнаго хозяйства афинянъ“, Бекъ естественно натолкнулся на вопросъ о системѣ мѣръ, вѣсовъ и монетъ въ древности у грековъ и на Востокѣ, и въ результатѣ получилось изслѣдованіе по метрологіи древности („Metrologische Untersuchungen über Gewichte, Münzfüsse und Masse des Alterthums in ihrem Zusammenhange. 1838); здѣсь особенно пригодились Беку его математическія познанія и способности, которыми онъ отличался. Ему принадлежатъ также изслѣдованія касательно древняго календаря: „Zur Geschichte der Mondcyklen der Hellenen“ (1855) и „Ueber die vierjährigen Sonnenkreise der Alten, vorzüglich den Eudoxischen“ (изслѣдованіе окончено въ 1859 г., но издано лишь въ 1863 г.).

Изъ другихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ Бека назовемъ еще его работы по метрицѣ, изданіе Пиндара, переводъ Антигоны, книгу о Манеѳонѣ, гдѣ Бекъ, подобно тому, какъ и въ „Metrologische Untersuchungen“, касается исторіи Востока („Manetho und die Hundssternperiode. Ein Beitrag zur Geschichte der Pharaonen“. 1845), въ особенности же изслѣдованіе объ Аттидѣ Филохора ¹⁾.

Посмертный трудъ Бека—„Энциклопедія и методологія филологическихъ наукъ“ ²⁾ — изданъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его кончины, на основаніи лекцій, которыя Бекъ читалъ много разъ въ промежутокъ съ 1809 по 1865 г. и въ которыхъ онъ высказывалъ свой взглядъ на свою науку.

Бекъ чрезвычайно широко понималъ задачи классической филологіи; въ этомъ отношеніи онъ былъ истый ученикъ и по-

¹⁾ Перепечатано въ Kleine Schriften, т. V.

²⁾ Encyclopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften, hrsg. von Bratuschek. 1877; 2-е изд. (подъ ред. Klusmann'a) — 1886. Имѣется въ русск. изложеніи П. И. Аландскаго, Киев. Унив. Изв., 1878, № 8—9, 11—12, и отдѣльно (Кіевъ, 1879).

Взгляд
Бека на фи-
лологию и
борьба съ
Германомъ.

слѣдователь Вольфа. Но Вольфу, классическая филологія—наука объ общей культурѣ классической древности. Бекъ пошелъ далѣе и еще болѣе развилъ эту мысль: по его мнѣнію, цѣль и задача классической филологіи должна состоять въ изученіи, уразумѣніи и умственномъ воссозданіи жизни классическихъ народовъ во всей ея полнотѣ и во всѣхъ ея проявленіяхъ. Бекъ былъ противъ узкаго, чисто грамматическаго направленія, противъ буквоѣдства, противъ отчужденія филологіи отъ жизни. Въ предисловіи къ „Государственному хозяйству аѳинянъ“ онъ жалуется, что масса ученыхъ, занимающихся древностью, особенно изъ молодыхъ, самодовольно погружена въ мелочныя изслѣдованія и критику словъ и буквъ, поглощена формой и превращается въ „грамматистовъ“. Извѣстна затѣмъ его распря съ Готфридомъ Германомъ, знаменитымъ лейпцигскимъ профессоромъ, пользовавшимся громкимъ авторитетомъ, главою грамматико-критической школы, полагавшимъ задачу филологіи въ изученіи и объясненіи памятника со стороны языка и видѣвшимъ въ противникахъ дилеттантовъ. По поводу Corp. Inscr. Graec. Германъ написалъ суровую критику¹⁾. Завязалась горячая полемика, которая продолжалась многіе годы. Это была не только личная борьба; это было столкновение двухъ направленій въ филологіи—историко-антикварнаго и грамматико-критическаго. Въ борьбѣ приняли участіе ученики и послѣдователи того и другаго, Бека и Германа; но съ теченіемъ времени борьба утратила свой острый характеръ, крайности сгладились; съ обѣихъ сторонъ сдѣланы уступки, ошибки или непомѣрность требованій болѣе или менѣе сознаны, заслуги взаимно признаны, и наконецъ въ 1846 г. на собраніи филологовъ въ Галле оба противника, Германъ и Бекъ, примирились между собою и протянули другъ другу руку.

Дѣятельность Бека была чрезвычайно разнообразна. Въ университетскихъ и академическихъ дѣлахъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе. На немъ лежала обязанность въ торжественныхъ случаяхъ произносить рѣчи отъ имени университета и академіи²⁾. По смерти Шлейермахера (1834) онъ былъ избранъ въ секретари историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ. При его участіи издавались сочиненія Фридриха В. Наконецъ

¹⁾ Prof. Böckh's Behandlung der griech. Inschriften. 1826; ср. его же De officio interpretis. 1835/6.—Отвѣтъ Böckh'a, Antikritik.

²⁾ Онъ перепечатаны въ его Kleine Schriften.

Бека съ живымъ интересомъ относился къ современнымъ ему политическимъ событіямъ. Онъ отстаивалъ свободу и независимость научнаго изслѣдованія отъ всякихъ посягательствъ. Вообще по своимъ убѣжденіямъ онъ принадлежалъ къ тогдашнему либеральному направленію. „Древность поучаетъ насъ истинной свободѣ и настоящимъ принципамъ ея“, говоритъ онъ въ своей „Энциклопедіи и методологіи филологическихъ наукъ“; „она показываетъ негодность абсолютизма и охлократіи; кто изучилъ политическія учрежденія древности, тотъ не будетъ потворствовать ни одной изъ этихъ крайностей, ни деспотизму, ни утопіямъ социализма, которыя древность уже пережила и побѣдила“.

Вліяніе
Бека.

Бека дожилъ до глубокой старости и умеръ почти 82 лѣтъ, въ 1867 г. Съ какимъ уваженіемъ относились къ его знаніямъ, какъ великъ былъ его авторитетъ, показываетъ слѣдующій примѣръ: Александръ Гумбольдтъ, авторъ „Космоса“, будучи уже 65-лѣтнимъ старикомъ и извѣстнымъ ученымъ, былъ въ числѣ слушателей Бека и посѣщалъ его лекціи по греческимъ древностямъ и литературѣ (въ 1833 и 1834/5 г.), о чемъ впоследствии, по поводу 50-лѣтняго докторскаго юбилея Бека, онъ съ благодарностью вспоминалъ и говорилъ, что еще и теперь (т. е. въ 1857 г.) онъ охотно, не безъ нѣкоторой гордости, показываетъ тѣ записки, которыя онъ по старинному обыкновенію тогда составлялъ, соблазненный примѣромъ остальныхъ слушателей Бека ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значеніе и вліяніе Бека можно сравнить съ значеніемъ и вліяніемъ историка Ранке. Оба они почти одновременно обратились къ документальнымъ даннымъ: Ранке, въ области новой исторіи,—къ тому матеріалу, который хранился въ архивахъ; Бека, въ области древней исторіи,—къ надписямъ, этому „каменному архиву“ Греціи. Въ 1825 г., какъ мы видѣли, вышелъ подъ редакціей Бека 1-й выпускъ *Corp. Inscr. Graec.*, а за годъ до того, въ 1824 г., Ранке издалъ свой извѣстный трактатъ: „*Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber*“, въ которомъ онъ указывалъ на архивный матеріалъ, какъ на непочатый, самый достовѣрный источникъ, къ коему слѣдуетъ обратиться. Но разница та, что архивное направленіе въ новой исторіи тогда же, можно сказать, сразу привилось и стало развиваться, а примѣръ Бека сначала находилъ мало подражателей въ этомъ отношеніи, и подобающее значеніе надписи пріобрѣтаютъ лишь съ конца

¹⁾ См. письмо А. Гумбольдта къ Беку, Hoffmann, стр. 452.

60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ. — Затѣмъ, извѣстно, что Ранке создалъ цѣлую школу; его ученики заняли большую часть кафедръ исторіи въ нѣмецкихъ университетахъ; нѣчто подобное можно сказать и о Бекѣ: и онъ создалъ своего рода школу; онъ былъ учителемъ цѣлыхъ поколѣній; его вліяніе распространялось не только на его непосредственныхъ слушателей ¹⁾. К. О. Миллеръ, о которомъ далѣе мы еще будемъ говорить, археологъ Gerhard, главный инициаторъ Нѣмецкаго Археологическаго Института въ Римѣ (1829); М. Н. Е. Meier, Дройзень, Максъ Дункеръ, братья Курціусы, политико-экономъ Рошеръ, все это были ученики Бека, въ болѣе или меньшей степени. Извѣстный совмѣстный трудъ Мейера и Шемана, „Der attische Prozess“ (1824), былъ отвѣтомъ на тему, объявленную Берлинскою Академіею Наукъ по предложенію Бека. Шеманъ, хотя и не былъ ученикомъ Бека, но находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ нимъ, и его работы, о которыхъ намъ придется еще говорить, всѣ болѣе или менѣе примыкаютъ къ изслѣдованіямъ Бека. Съ Велькеромъ (см. ниже) Бекъ былъ въ дружбѣ и оказывалъ ему нравственную поддержку. Цѣлый рядъ трудовъ по греческимъ древностямъ (напр. В. Вагсмута, К. Фр. Германа, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Готфридомъ Германомъ, представителемъ грамматико-критическаго направления въ классической филологіи) и по исторіи греческой литературы (напр. Bernhardt) болѣе или менѣе связаны съ трудами автора „Die Staatshaushaltung der Athener“. Монографія Arn. Schäfer'a („Demosthenes und seine Zeit“), не бывшаго слушателемъ Бека, носитъ однако слѣды вліянія послѣдняго и примыкаетъ къ его изслѣдованіямъ въ области суда, финансовъ и морскаго дѣла аѳинянъ; Шеферъ самъ признавалъ, что основаніе, на коемъ покоится его изложеніе, положилъ Бекъ ²⁾. Наконецъ среди лицъ, на которыхъ вліялъ Бекъ, можемъ назвать и извѣстнаго Фердинанда Лассалю, какъ автора работы о греческомъ философѣ Гераклитѣ ³⁾.

Можно сказать вообще, что въ первой половинѣ XIX в. наука классической филологіи и въ частности изученіе греческой древности находились подъ вліяніемъ Бека; во многихъ отношеніяхъ его вліяніе сказывается и донинѣ.

¹⁾ Hoffmann, стр. 41, 79—80.

²⁾ См. его письмо къ Беку, Hoffmann, стр. 391 (ср. стр. 41).

³⁾ Hoffmann, стр. 135.

Рядомъ съ Бекомъ дѣйствовалъ его старшій современникъ и учитель Шлейермахеръ, переведшій Платона, и Иммануиль Беккеръ, славный издатель греческихъ авторовъ, *der bahnbrechende Meister der Editionen*, какъ называетъ его историкъ Берлинской Академіи Наукъ, богословъ Гарнакъ. Между прочимъ съ его именемъ связано изданіе сочиненій Аристотеля со схоліями и древними комментаріями, предпринятое Берлинскою Академіею. Беккеръ подготовилъ это изданіе и подъ его редакціей издано 4 тома; его продолжатели были Тренделенбургъ, Боницъ (извѣстенъ его *Index Aristotelicus*), а теперь—Дильсъ.

Шлейермахеръ.
Беккеръ.

Среди учениковъ Бека особенно выдавался высокоталантливый и разносторонній Карлъ Отфридъ Миллеръ¹⁾. Быстро прошелъ онъ свое земное поприще: родился онъ въ 1797 г., въ Бригъ, въ Силезіи; 22 лѣтъ былъ уже профессоромъ въ Геттингенѣ, а 43 лѣтъ сошелъ въ могилу. Но не смотря на свою недолгую жизнь, К. О. Миллеръ оставилъ рядъ выдающихся трудовъ и глубокій слѣдъ въ наукѣ. Бекъ говорилъ о своемъ молодомъ ученикѣ: „Отфридъ Миллеръ, одаренный прекраснѣйшими и благороднѣйшими силами ума и души, еще молодой и обладающій обширною ученостію, далеко оставитъ позади себя меня, котораго онъ признаетъ своимъ учителемъ“. Въ К. О. Миллерѣ соединялись юношескій пылъ, художественныя наклонности, историческое чутье, замѣчательныя природныя дарованія и удивительное трудолюбіе. Современники говорили о счастьѣ Миллера, и онъ самъ называлъ себя „любимымъ сыномъ счастья“; но успѣхъ достался ему не даромъ: будучи студентомъ, онъ занимался отъ 15 до 17 часовъ въ день и жалѣлъ, что сутки не имѣютъ 48 часовъ, вмѣсто 24. Въ Бреславльскомъ университетѣ онъ слушалъ лекціи не только по филологіи, но и по теологіи, оріенталистикѣ, исторіи, ботаникѣ, математикѣ и въ особенности по философіи. Въ Берлинѣ, куда онъ перешелъ изъ Бреславля, онъ былъ любимымъ ученикомъ Бека.

К. О. Миллеръ.

Какъ видно уже изъ этого, научные интересы К. О. Миллера были очень широки; но главнымъ образомъ его вниманіе привлекало „священное и прекрасное“ древности. Его труды ка-

¹⁾ Förster, Otfried Müller. Rectoratsrede. Breslau. 1897. Изъ предшествовавшихъ—Ferd. Ranke, C. O. Müller. Berl. 1870, и Karl Hillebrand, Étude sur O. Müller et sur l'école historique de la philologie allem. (при перев. на франц. яз. „Ист. греч. литер.“ Миллера. Р. 1865).

сались мифологии, можно сказать—любимой его области (*Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie*. 1825), археологии и искусства (*Handbuch der Archäologie der Kunst*. 1830; *Denkmäler der alten Kunst*. 1832)¹⁾, литературы (*Geschichte der griech. Litteratur*. 1841. 2 т.)²⁾ и истории Греции.

„История греческой литературы“ у К. О. Миллера не закончена: изъ историковъ онъ коснулся лишь Геродота и Фукидида, история философии доведена до Анаксагора и Эмпедокла,—краснорѣчія до Исократы, и только история греческой поэзіи кончается временемъ Александра В. Тѣмъ не менѣ это одинъ изъ лучшихъ трудовъ К. О. Миллера³⁾. Въ немъ авторъ хотѣлъ „показать, какъ тѣ замѣчательныя произведенія, которыя мы по праву называемъ классическими сочиненіями грековъ, естественнымъ образомъ вышли изъ умственного склада греческихъ народностей и изъ состоянія ихъ общественной и гражданской жизни и какъ въ нихъ выразился духъ, вкусъ и вся внутренняя жизнь этой отъ природы богато одаренной, предъ всѣми другими, націи“.

Къ работамъ К. О. Миллера по истории Греции относится прежде всего его диссертация объ о-вѣ Эгинѣ (*Aeginetica*. 1817), замѣчательная между прочимъ тѣмъ, что это одна изъ первыхъ специальныхъ работъ по мѣстной истории Греціи, какъ-бы прототипъ тѣхъ монографій, которыя въ такомъ обилии стали появляться въ исходѣ XIX в. Затѣмъ—обширный по замыслу трудъ: „*Geschichten hellenischer Stämme und Städte*“. Чтобы дать полное изображеніе какого-либо племени и города, К. О. Миллеръ касался и мѣстности, и климата, и языка, и культа, и искусства, и литературы, и истории. Первая часть названнаго выше труда посвящена Орхомену и миніямъ („*Orchomenos und die Minyer*. 1820), а вторая—дорянамъ (*Die Dorier*. 1824. 2 т.), ихъ внѣшней истории, религіи и мѣамъ, государственному строю, правамъ и искусству. Нужно замѣтить, что къ дорянамъ К. О. Миллеръ питалъ особую симпатію; въ нихъ онъ видѣлъ наиболѣе типичныхъ выразителей греческаго генія. Отмѣтимъ также, что К. О. Мил-

¹⁾ Изданіе не было окончено при жизни Миллера; продолженіе выходило подъ редакціей Wieseler'a (см. C. O. Müller und F. Wieseler, *Antike Denkmäler zur griech. Götterlehre*. 4-te Ausg. von Wernicke, *Denkmäler der alten Kunst*).

²⁾ Для историка важно также изданіе Эсхиловыхъ „Евменидъ“—Миллера (Göttingen. 1833), съ объясненіями.

³⁾ Ср. Bursian, *Gesch. d. class. Philol. in Deutschland*, стр. 1022.

леръ не допускалъ, чтобы въ греческой культурѣ были какіе-либо чуждые, восточные элементы: онъ стоялъ за полную самостоятельность, чистоту этой культуры и отрицалъ вліяніе Востока. Наконецъ упомянемъ еще объ одномъ трудѣ К. О. Миллера—„Die Etrusker“ (1828. 2 т.).

Но всѣ эти работы, какъ ни были онѣ важны сами по себѣ для своей эпохи, должны были служить лишь подготовкой къ другому, болѣе обширному труду, о которомъ мечталъ К. О. Миллеръ еще съ самой юности,—къ общей „Исторіи Греціи“. Написать такую исторію онъ считалъ главною задачею своей жизни. Но прежде чѣмъ приняться за этотъ трудъ, К. О. Миллеръ желалъ воочію видѣть Грецію.

Со времени геройской борьбы Греціи за освобожденіе, въ Европѣ пробуждается особенное вниманіе и интересъ къ этой странѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдняя дѣлается гораздо доступнѣе для путешественниковъ и для изслѣдованій на мѣстѣ. Рядъ ученыхъ отправляется туда, чтобы изучить страну и ея памятники. Еще во время войны за освобожденіе французы снаряжаютъ въ Морею полувоенную, полуученую экспедицію, результаты которой обнародованы въ изданіи подъ заглавіемъ: „Expédition scientifique de Morée“ (1831—9); Le Bas, который обработалъ эпиграфическій матеріалъ, собранный этою экспедиціею ¹⁾, предпринималъ впоследствии „археологическое путешествіе“ по Греціи ²⁾. Въ 1846 г. французы основываютъ свою „школу“ въ Аѣинахъ (École française d'Athènes). Въ 30-хъ годахъ изданы описанія путешествій англичанина Лика (Leake), совершенныхъ имъ гораздо раньше, еще до войны за освобожденіе, по Морей и сѣверной Греціи ³⁾. Кромѣ этихъ капитальныхъ сочиненій, Лиду принадлежали изслѣдованія по топографіи Аѣинъ ⁴⁾ и о демахъ Аттики ⁵⁾. Изъ англійскихъ путешественниковъ назовемъ еще Муре ⁶⁾.

Но въ особенности великъ былъ наплывъ въ Грецію, послѣ ея освобожденія, нѣмецкихъ ученыхъ и путешественниковъ,

*Путешес-
твія въ
Грецію.*

¹⁾ Inscriptions grecques et latines recueillies en Grèce par la commission de Morée (1835—7).

²⁾ Le Bas et Waddington, Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure pendant 1843—1844.

³⁾ Travels in the Morea (1830, 3 т.), Travels in Northern Greece (1835, 4 т.).

⁴⁾ Есть нѣмец. пер. (Zürich. 1844).

⁵⁾ Въ подлинникѣ—1829 г.; нѣм. пер.—1840 (Braunschweig).

⁶⁾ Journal of a tour in Greece and the Ionian Islands. 1842.

что, кромѣ научнаго интереса, объясняется отчасти и тѣми связями, которыя существовали между Греческимъ королевствомъ времени Оттона (бывшаго баварскаго принца) и Германіей, въ частности Баваріей. Изъ филологовъ однимъ изъ первыхъ посѣтилъ освобожденную Грецію Тиршъ (Thiersch), „praeseptor Bavariae“, какъ его называли, филэллинъ, поборникъ греческой свободы. При королѣ Оттонѣ состоялъ профессоръ Брандисъ, а въ семьѣ послѣдняго, въ качествѣ домашняго учителя, мы видимъ молодого Эрнста Курціуса, ученика К. О. Миллера. Побывалъ въ Греціи и Францъ, котораго мы знаемъ, какъ сотрудника Бека по продолженію Corp. Inscr. Graec. (см. выше, стр. 306). Появляются многочисленныя описанія путешествій и изслѣдованія по топографіи—австрійскаго посла при греческомъ дворѣ Прокешъ-Остена, путешествовавшаго по Востоку и Греціи и на о-вѣ Оерѣ открывшаго архаическія надписи ¹⁾, собиратели греческихъ монетъ; Форхгаммера ²⁾, Ульриха ³⁾, Фидлера ⁴⁾, извѣстнаго историка Фалльмерайера ⁵⁾ и многихъ друг. Кипертъ издаетъ свой атласъ ⁶⁾ и свои знаменитыя карты. Но долѣе всѣхъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ-филологовъ оставался въ Греціи Людвигъ Россъ (L. Ross). Онъ провелъ здѣсь 13 лѣтъ (1832—45); онъ состоялъ хранителемъ древностей, а затѣмъ—нѣкоторое время—профессоромъ въ только-что основанномъ тогда (1837) Аѣинскомъ университетѣ. Россъ частью самъ, частью сопровождая короля Оттона, много разъ извѣздилъ Грецію и описалъ свои путешествія въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ ⁷⁾; онъ дѣятельно изучалъ страну, ея населеніе и древніе памятники, собиралъ надписи ⁸⁾ и многія изъ

¹⁾ Prokesch-Osten, Erinnerungen aus Aegypten und Kleinasien (1829—31, 3 т.); Denkwürdigkeiten und Erinnerungen aus dem Orient (1836—7, 3 т.); Böckh, Ueber die von Herrn von Prokesch in Thera entdeckten Inschriften (Abhandl. d. Berl. Ak. d. Wiss., 1836).

²⁾ Forchhammer, Hellenica. Griechenland im neuen das alte. 1837; Topographie von Athen. 1841; Beschreibung der Ebene von Troja. 1850.

³⁾ Ulrichs, Reisen und Forschungen in Griechenland. 1840.

⁴⁾ Fiedler, Reise durch alle Teile des Königreichs Griechenl. 1840—1.

⁵⁾ Fallmerayer, Fragmente aus dem Orient. 1845. 2 т.

⁶⁾ Topographisch-histor. Atlas von Hellas und d. hellenisch. Colonien.

⁷⁾ Reisen und Reiserouten durch Griechenland. 1841; Reisen d. Königs Otto und d. Königin Amalie von Griechenland. 1848. 2 т. (въ изд. 1851: „Wanderungen im Gefolge d. Kön. Otto“); Reisen auf den griech. Inseln d. ägäisch. Meeres. 1840—52. 4 т.

⁸⁾ Inscriptiones graecae ineditae. 1834—45.

нихъ пересылалъ Беку, въ томъ числѣ, какъ мы видѣли, и тѣ, которыя касались морскаго дѣла аѳинянъ (см. стр. 308). Часть собраннаго имъ эпиграфическаго матеріала Россъ обработалъ въ трудѣ подъ заглавіемъ: „Die Demeu von Attika und ihre Vertheilung unter den Phylen“ (1846), который издалъ М. Н. Е. Meier, съ своими примѣчаніями. Россу принадлежатъ и другія, менѣе крупныя работы по топографіи и географіи Греціи. Онъ же руководилъ раскопками въ Аѳинахъ, въ акрополѣ, результаты которыхъ были обнародованы имъ, совмѣстно съ архитекторами Schaubert'омъ и Hansen'омъ, въ 1839 г.¹⁾ На этомъ поприщѣ работали и греческіе ученые, напр. преемникъ Росса въ должности хранителя древностей, Питтаки, страстный археологъ, но не совсѣмъ добросовѣстный и ненадежный, не останавливавшійся предъ интерполяціями и фальсификаціями²⁾, и Рангави, выдающійся патріотъ, государственный дѣятель, дипломатъ, поэтъ и ученый³⁾. Вообще въ греческомъ обществѣ пробуждается любовь къ изученію родной старины и ея памятниковъ, стремленіе къ научнымъ изслѣдованіямъ. Въ 1837 г., по инициативѣ Питтаки и Рангави, возникаетъ греческое „Археологическое Общество“; въ Аѳинахъ основывается университетъ и т. д.

Итакъ, связи ученаго міра Европы съ Греціей упрочивались; путешествія туда, съ научными цѣлями, предпринимались все чаще и чаще.

И вотъ К. О. Миллеръ въ свою очередь ступаетъ на священную для него почву Эллады, исполненный радостныхъ надеждъ и широкихъ плановъ. Но ему не суждено было осуществить задуманный трудъ—написать общую „Исторію Греціи“: въ Дельфахъ, въ тотъ моментъ, когда онъ списывалъ одну изъ надписей, онъ былъ пораженъ солнечнымъ ударомъ и умеръ въ Аѳинахъ (1840), на рукахъ своихъ учениковъ, Э. Курціуса и А. Шелля⁴⁾. Послѣднія его слова были: „Какія колонны!...“

¹⁾ Die Akropolis von Athen nach den neuesten Ausgrabungen. Berlin. 1839. См. еще его „Archäologische Aufsätze“. Leipz. 1855—61. 2 т.

²⁾ Ero—L'ancienne Athènes ou description des antiquités d'Athènes et de ses environs. 1835; отзывъ Köhler'a о немъ въ Corp. Inscr. Attic. (Larfeld, Griech. Epigraphik², стр. 396).

³⁾ О немъ см. А. Н. Деревицкій, Александръ Ризо Рангави. Одесса. 1896 (Изъ „Зап. Имп. Одесск. Общества Ист. и Древн.“, т. XIX).

⁴⁾ Собранныя имъ дельфійскія надписи изданы послѣ его смерти Э. Курціусомъ (Anecdota Delphica. 1843), а А. Schöll издалъ „Archäolog.-Mittheilungen aus Griechenland“, на основаніи оставшихся послѣ Миллера бумагъ (1843).

Труды по
греч. древ-
ностямъ.

К. Ф. Гер-
мана.

Въ разсматриваемый періодъ, т. е. въ первую половину XIX стол., появилось нѣсколько трудовъ по греческимъ древностямъ, которые слѣдуетъ отмѣтить: первая изслѣдованія Шемана, о которомъ мы еще будемъ говорить, „Darstellung der griechischen Staatsverfassungen“ (1822) Титтмана, „Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staats“ (1826—1830. 2 т.; 2-е изд.—1843—6) В. Ваксмута, въ свое время очень цѣнное пособие, и особенно „Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer aus dem Standpunkte der Geschichte“ Карла Фридр. Германа (см. стр. 314),—учебникъ, впервые появившійся въ 1831 г. и потомъ разросшійся въ многотомный компендіумъ, „Lehrbuch der griechischen Antiquitäten“, въ коемъ государственныя древности составляютъ лишь первую часть, остальные же части посвящены были религіознымъ, частнымъ и правовымъ древностямъ. Первоначально авторъ имѣлъ въ виду дать сжатый обзоръ того, что на основаніи остатковъ древности и новѣйшихъ изслѣдованій можно признавать достовѣрнымъ относительно государственныхъ учрежденій и внутренней исторіи главнѣйшихъ народовъ эллинской древности, и вмѣстѣ съ тѣмъ восполнить недостатокъ въ удовлетворительномъ учебникѣ по этому отдѣлу. Учебникъ Германа отличается краткимъ сжатымъ текстомъ, обширными примѣчаніями съ многочисленными ссылками и цитатами изъ источниковъ и указаніями на литературу; въ этихъ примѣчаніяхъ собранъ громаднѣйшій матеріалъ. Трудъ Германа до сихъ поръ служитъ однимъ изъ основныхъ, настольныхъ пособій при занятіяхъ греческою исторіею и древностями. Неудивительно поэтому, что не смотря на свою обширность, сжатость и сухость изложенія и, слѣдовательно, малую доступность широкому кругу читателей, онъ переиздавался не разъ, подвергаясь дополненіямъ и исправленіямъ. I-й томъ еще при жизни автора выдержалъ 4 изданія. Не такъ давно учебникъ Германа вышелъ новымъ, 6-мъ изданіемъ (подъ общою редакціею Blümner'a и Dittenberger'a); отдѣлъ государственныхъ древностей обработанъ Thumser'омъ¹⁾, который принялъ во вниманіе новѣйшую литературу и данныя, сообщаемыя открытыми тѣмъ временемъ надписями и Аристотелевымъ трактатомъ („Аѳинскою Политіею“); для новаго изданія Hans Droysen написалъ „Военныя древности“ (ихъ не было у Германа), составившія цѣлый томъ.

¹⁾ Staatsalterthümer. 6-te Aufl. Freib. i. Br. 1 Abth. 1889; 2 Abth. 1892.

Говоря о разработкѣ греческой исторіи въ Германіи въ первой половинѣ XIX в., мы должны еще упомянуть о Лобекѣ, Велькерѣ и И. Густ. Дройзенѣ.

Лобеку принадлежитъ между прочимъ отличающееся большою ученостію изслѣдованіе о мистеріяхъ: „*Aglaophamus sive de theologiae mysticae Graecorum causis libri III*“ (1829. 2 т.), въ которомъ доказывалась несостоятельность теоріи Крейцера съ ея „символикой“.

Велькеръ (1784—1868)—извѣстный въ свое время знатокъ поэзіи, искусства и религіи грековъ, первый профессоръ въ Германіи, начавшій преподавать исторію древняго искусства съ кафедръ ¹⁾. Самый выдающійся его трудъ—3-томная монографія, въ которой сведены результаты большей части его работъ: „*Die griechische Götterlehre*“, появившаяся въ 1857—62 г., но подготовленная раньше, въ теченіе предшествовавшихъ десятилѣтій ²⁾.

Дройзенъ (1808—1884), въ концѣ 30-хъ годовъ профессоръ въ Берлинѣ, затѣмъ въ Килѣ, въ Іенѣ и наконецъ опять въ Берлинѣ,—не филологъ-классикъ, а историкъ, и притомъ занимавшійся не только древностію, но и новыми вѣками: извѣстны его лекціи о войнѣ за освобожденіе (*Vorlesungen über die Freiheitskriege*), въ свое время (1846) производившія сильное впечатлѣніе, его біографія генерала Йорка и многотомная „*Geschichte der preussischen Politik*“. Онъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое мечтало объ объединеніи Германіи, боролось за эту идею и возлагало свои надежды на Пруссію. Онъ—одинъ изъ главныхъ, характерныхъ представителей нѣмецкой исторической науки прошлаго вѣка.

Въ молодости Дройзенъ занимался преимущественно греческою литературою и исторіею. Онъ прекрасно перевелъ Аристофана, написалъ обширную статью объ Аристофановыхъ „Птицахъ“ и гермокопидахъ ³⁾ и проч.; но болѣе всего извѣстна его „Исторія эллинизма“ или исторія Александра В. и его преемниковъ,

¹⁾ И. В. Цвѣтаевъ, Поминка по Фридр. Готл. Велькерѣ. Одесса. 1888 (изъ II т. „Трудъ VI Археол. Съѣзда“); Kekule, Das Leben Fr. Gotth. Welcker's. Nach seinen eignen Aufzeichnungen und Briefen. Leipz. 1880.

²⁾ Изъ работъ Велькера по исторіи литературы извѣстны: *Der epische Cyclus oder die Homerischen Dichter* (1835); *Die griech. Tragödien mit Rücksicht auf d. episch. Cyclus*. 1839; а по археологii—*Alte Denkmäler*. 1849.

³⁾ *Des Aristophanes Vögel und die Hermokopiden* (Rh. Mus., III, и отдѣльно, 1835).

принадлежащая къ числу выдающихся произведеній нѣмецкой исторіографіи XIX в. Впервые появилась она еще въ 1833—1843 г.¹⁾ и съ тѣхъ поръ въ теченіе болѣе полувѣка оставалась незамѣнимымъ и почти единственнымъ общимъ трудомъ въ этомъ родѣ до послѣдняго времени, т. е. до выхода въ свѣтъ IV-го тома „Griechische Geschichte“ (Berlin. 1894) Ад. Гольма²⁾, „Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit d. Schlacht bei Chaeronea“ Бенедикта Низе³⁾ и „Geschichte des Hellenischen Zeitalters“ Керста (Kaerst) (I-й т.—1901), но и теперь, на ряду съ ними, она еще не утратила своего значенія. Хотя у Дройзена и были предшественники, напр. Маннертъ и Флате, но все-же какъ тогда, когда Дройзенъ работалъ надъ своей „Исторіей эллинизма“, такъ и впослѣдствіи исторіей Македонскаго періода занимались сравнительно мало: она оставалась какъ-бы въ сторонѣ и въ пренебреженіи. Отчасти это зависѣло отъ самыхъ свойствъ предмета и отъ того, что, увлекаясь Элладой, многіе не чувствовали вовсе влеченія къ изученію исторіи ея македонскихъ завоевателей, видя въ періодѣ, наступившемъ послѣ Херонейской битвы, лишь извращеніе, паденіе и разложеніе чистыхъ эллинскихъ началъ, а въ войнахъ преемниковъ Александра—лишь безсмысленную борьбу и путаницу. Такъ, незадолго до появленія труда Дройзена, Нибуръ, обладавшій, какъ извѣстно, изумительною памятью, признавался однако (въ своихъ „Vorträge über alte Geschichte“), что для него въ цѣлой исторіи нѣтъ ничего запутаннѣе войнъ

¹⁾ Первый томъ вышелъ въ 1833 г. подъ заглавіемъ: „Gesch. Alex. d. Gross.“; второй (1836) и третій (1843), кромѣ частнаго заглавія, имѣли и общее: „Geschichte des Hellenismus“; въ 1877—8 г. все сочиненіе было переиздано, и заглавіе „Gesch. d. Hellenismus“ перенесено на всѣ 3 тома. Кромѣ того, въ 1880 г. появилось отдѣльное, общедоступное по цѣнѣ, изданіе „Gesch. Alex. d. Gross.“. Въ 1883—5 г., подъ редакціей А. Буше-Леклерка, появился французскій переводъ, для котораго авторъ сдѣлалъ нѣкоторые добавленія и исправленія. Съ него сдѣланъ и русскій пер. (М. 3 т.). Къ сожалѣнію, переводъ этотъ крайне тяжелъ и шероховатъ, совершенно не соответствуетъ живому и яркому изложенію подлинника. Можно также пожалѣть, что опущено то введеніе, которое имѣется во французскомъ изданіи: оно даетъ прекрасную характеристику Дройзена и его взглядовъ, какъ историка (написано Буше-Леклеркомъ).

²⁾ Томъ этотъ („Die griechisch-macedonische Zeit, die Zeit der Könige und der Bünde, vom Tode Alex. bis zur Einverleibung d. letzten makedonischen Monarchie in das römische Reich“) составляетъ окончаніе труда Гольма, о которомъ мы скажемъ далѣе.

³⁾ Входитъ въ составъ „Handbücher der alten Geschichte“, изд. Perthes'омъ.

діадоховъ, что онъ не можетъ осилить всѣхъ подробностей и привести въ порядокъ пеструю массу событій; по его словамъ, путаница происходитъ отъ того, что предъ нами проходитъ цѣлая толпа людей, не отличающихся другъ отъ друга никакими достойными вниманія признаками. Всѣ эти македонцы оставляли Нибура равнодушнымъ; онъ называетъ ихъ даже „разбойниками“ и желалъ бы, употребляя его собственное выраженіе, „чтобы земля разверзлась и поглотила всѣхъ македонцевъ“. „Съ такими чувствами“, по сознанію самого Нибура, „конечно, не легко заниматься этою частью исторіи“.

Совершенно иначе отнесся къ Македонской эпохѣ Дройзенъ. Въ ея оцѣнкѣ онъ сталъ на противоположную точку зрѣнія. По его собственнымъ словамъ ¹⁾, Македонскій періодъ, на который обыкновенно смотрять съ пренебреженіемъ, ему кажется не „большимъ пробѣломъ“, не „мертвымъ полемъ въ исторіи человѣчества“, не „отвратительнымъ отложеніемъ всякаго извращенія, гнили и мертвечины“, а напротивъ—„живымъ членомъ въ цѣпи человѣческаго развитія, наслѣдникомъ и исполнителемъ великаго завѣщанія, посетелемъ величайшаго назначенія“. „Эллинизмъ“, по мнѣнію Дройзена, „есть современная эпоха язычества“ или „древности“ („Der Hellenismus ist die moderne Zeit des Heidenthums“). Сквозь безконечныя войны и распри Александровыхъ преемниковъ, сквозь эту путаницу Дройзенъ усмотрѣлъ важное, всемірно-историческое значеніе эпохи—развитіе новаго „принципа“, который онъ назвалъ „эллинистическимъ“, и съ тѣхъ поръ слово „эллинизмъ“ стало общеупотребительнымъ въ смыслѣ термина для обозначенія того періода, который наступилъ со времени Александра Македонскаго и „распространенія греческаго господства и образованности среди отжившихъ культурныхъ народовъ Востока“, и той культуры, которая возникла изъ сліянія началъ греческихъ и восточныхъ, хотя противъ умѣстности и правильности такого названія и возражаютъ иногда ²⁾.

¹⁾ См. предисловіе къ II т. *Gesch. des Hellenismus* (изд. 1843 г.), перепечатанное теперь въ *Kleine Schriften zur alten Geschichte*. Leipz. 1893, I, 298 сл. Предисловіе это интересно для характеристики взгляда Дройзена на исторію вообще и на „эллинизмъ“ въ частности.

²⁾ См. рецензію А. Schmidt'a, помѣщенную въ *N. Jahrbücher f. Phil. u. Pädag.*, B. XIX (1837), и перепечатанную въ его *Abhandlungen zur alten Geschichte*. Leipz. 1888, стр. 131; Ad. Holm, *Gr. Gesch.*, IV, 40 сл.

Благодаря той любви и интересу, съ которыми Дройзенъ изучалъ исторію не только Александра В., но и его преемниковъ, онъ достигъ того, чего не могъ достигъ даже Нибуръ,—осилилъ подробности, вполне справился съ неблагоприятнымъ и труднымъ матеріаломъ, съ путаницею лицъ и событій и далъ наглядное изображение не только великой дѣятельности Александра, но и борьбы его преемниковъ; не смотря подчасъ на скудость и сухость источниковъ, представилъ рядъ яркихъ портретовъ-характеристикъ этихъ „діадоховъ“ и „эпигоновъ“, изъ которыхъ каждый—Пердикка, Евменъ, Полисперхонтъ, Лисимахъ, не говоря уже о Димитріи Поліоркетѣ и многихъ другихъ,—предстаетъ предъ нами со своими индивидуальными чертами, такъ-что трудно смѣшать одного съ другимъ. Борьбу, казавшуюся бессмысленною, и путаницу, представлявшуюся неодолимою, Дройзенъ сумѣлъ осмыслить и освѣтить, указалъ на господствующія идеи, проявляющіяся въ этой борьбѣ, отмѣтилъ ея главные стадіи и выставилъ въ яркомъ свѣтѣ, на первомъ планѣ, главныхъ дѣателей и главные мотивы. Онъ чрезвычайно подробно описываетъ войны діадоховъ и эпигоновъ; но излагаетъ такъ мастерски, съ такимъ воодушевленіемъ, что сочиненіе его, не смотря на тему, столь мало, по видимому, способную заинтересовать читателя, и матеріалъ, столь трудно поддающійся обработкѣ, представляется интереснымъ и доступнымъ не для однихъ спеціалистовъ, но и вообще для лицъ, любящихъ исторію. Съ другой стороны, при недостаточности разработки исторіи той эпохи и самихъ источниковъ, Дройзену вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось нерѣдко самому, такъ сказать, пролагать дорогу, изслѣдовать детали, собирать и подвергать критическому разбору источники.

Конечно, трудъ Дройзена имѣетъ и свои недостатки ¹⁾. Въ немъ есть промахи, неточности и пробѣлы, тѣмъ болѣе понятные, что, какъ было упомянуто, періодъ этотъ сравнительно мало изслѣдовался, а показанія источниковъ часто слишкомъ скудны и сбивчивы. Желаніе дать, не смотря на эту скудость, отрывочность и сухость матеріала, наглядное и яркое изображение событій, представить мотивы дѣйствующихъ лицъ, иногда увлекало Дройзена слишкомъ далеко, и онъ слишкомъ предавался своей творческой фантазії, а его стиль не чуждъ иногда риторики. Съ самымъ взглядомъ Дройзена, съ тою „философіей исторіи“, кото-

¹⁾ См. упомянутую выше обширную рецензію Адольфа Шмидта.

рая проглядываетъ въ его трудѣ, съ его нѣкотораго рода фатализмомъ не всегда можно согласиться. Вторую книгу „Исторіи діадховъ“ онъ начинаетъ напр. такими словами: „Говорятъ, что исторія справедлива; она справедлива относительно принциповъ, борьба между которыми составляетъ ея содержаніе, но не относительно лицъ, которыя являются ихъ носителями. Развѣ это справедливость, что родъ Александра долженъ былъ искупить ужасной и позорной гибелью свое величіе? Это тяжелая и потрясающая роковая необходимость, которая шагъ за шагомъ съ холодною послѣдовательностью ведетъ царскій домъ навстрѣчу неизбѣжной гибели и дѣлаетъ его виновнымъ въ разныхъ преступленіяхъ, чтобы онъ, блуждая, спотыкаясь и взывая къ возмездію, тѣмъ въриѣ нашелъ себѣ конецъ“ (рус. пер., II, 97—98). Притомъ, на Дройзенѣ, очевидно, сильно отразилось вліяніе господствовавшей тогда въ Германіи философіи Гегеля. Какъ фатализмъ, такъ и гегелианство Дройзена особенно замѣтны въ первомъ изданіи; въ послѣдующихъ они значительно сглажены. Сужденія и оцѣнка историческихъ дѣятелей у Дройзена не совсѣмъ безпристрастны. Такъ, онъ не только восторгается дѣятельностью Александра В. и его политикой по отношенію къ покореннымъ народамъ и къ македонянамъ, но онъ обнаруживаетъ неизмѣнное преклоненіе и предъ самою личностью Александра; онъ во всемъ оправдываетъ его ¹⁾. Достаточно указать, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, видимо вполне одобряя образъ дѣйствій Александра, описываетъ Дройзенъ умерщвленіе Парменіона, совершенное по приказанію царя „украдкой“, „in der Stille“. Зато онъ слишкомъ строгъ и несправедливъ по отношенію къ Греціи, къ аѳинской демократіи и Демосѳену. Послѣдній, по его мнѣнію, долженъ былъ оставить свои патріотическія стремленія, преклониться предъ могуществомъ Македоніи, знать, что ей принадлежитъ будущее, и не бороться съ нею! образъ дѣйствій Демосѳена обнаруживаетъ близорукость: онъ дѣлаетъ, „можетъ быть“, честь его сердцу, но, конечно, не уму! Подобный взглядъ на Демосѳена, но еще въ болѣе рѣзкой формѣ, недавно высказанъ былъ Гольмомъ; вообще, какъ только рѣчь заходитъ о Демосѳенѣ и Александрѣ, ученые обыкновенно оставляютъ историческую, болѣе или менѣе объективную точку

¹⁾ Отраженіе подобнаго же взгляда на Александра въ русской литературѣ мы видимъ въ лекціи Т. Н. Грановскаго („Сочин.“, т. I).

зрѣнія и впадаютъ въ крайность, то не въ мѣру унижая и клеймя, то не въ мѣру провознося того или другого. Дройзенъ, когда говоритъ объ отношеніи Македоніи къ Греціи, представлялъ себѣ, очевидно, отношеніе Пруссіи къ тогдашней Германіи ¹⁾, и это вліяло на его оцѣнку фактовъ и дѣятелей далекаго прошлаго.

Наконецъ, такъ прекрасно сознавая всю важность разсматриваемаго періода въ культурномъ отношеніи, давая даже такое общее заглавіе своему сочиненію, какъ „Исторія эллинизма“, Дройзенъ однако не касается самой интересной стороны эпохи—ея культуры (если не считать нѣсколькихъ общихъ, разсѣянныхъ въ сочиненіи замѣчаній) и ограничивается только военно-политическою исторіей. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что это произошло не отъ того, чтобы Дройзенъ не считалъ нужнымъ въ „Исторіи эллинизма“ касаться культуры, а отъ того, что первоначальный планъ не былъ выполненъ авторомъ. Дройзенъ задумалъ-было свой трудъ въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ. Исторія Александра должна была служить только введеніемъ, а въ „Исторіи эллинизма“, въ слѣдующихъ за II-мъ томомъ частяхъ, предполагалось „изобразить религіозное состояніе эллинизма, его смѣшеніе религій и культовъ, его теокрасію (Theokrasie) и теософію, его невѣріе и суевѣріе, до послѣдняго исчезновенія эллинистическаго язычества,—перемѣну въ общемъ образованіи и специальныхъ наукахъ, въ нравственныхъ отношеніяхъ и международныхъ сношеніяхъ до побѣды восточной реакціи въ лицѣ царства Сассанидовъ и магометанства, и наконецъ,—длинный ходъ увидающей литературы и искусства до послѣднихъ византійскихъ отголосковъ изъ великаго прошлаго и окончательнаго триумфа Востока надъ родиною эллинизма“. Но отъ этого грандіознаго плана Дройзенъ внослѣдствіи отказался и ограничился только тремя томами, представляющими, по выраженію Буше-Леклерка, своего рода „трилогію“,—1) исторію Александра, 2) діадховъ и 3) ихъ эпигоновъ.

Отъ Грота до конца 60-хъ годовъ.

Мы видѣли, что уже въ XVIII в. въ Англіи появилось нѣсколько общихъ „Исторій Греціи“. Въ XIX стол. первая замѣчательная общая „Исторія Греціи“ выходитъ тоже въ Англіи.

¹⁾ Kaerst, Die Gesch. d. Altertums in Zusammenhange der allgemeinen Entwicklung der modernen historischen Forschung (N. Jahrb., 1902, IX, 47).

И это не простая случайность. Дѣло въ томъ, что многія черты и явленія въ исторической жизни древнихъ грековъ—политическая свобода и самоуправленіе, такія учрежденія, какъ народное собраніе и судъ присяжныхъ, развитіе политическаго и судебного краснорѣчія, мореходства и торговли, многочисленные колоніи,—все это дѣлало ихъ исторію особенно близкою, интересною и понятною именно для англичанъ.

Англія и Греція.

Въ 1835—8 гг. вышла „History of Greece“ Thirlwall'a, въ 8 томахъ, отличающаяся немалыми достоинствами; Гротъ говоритъ о ней, что если бы она появилась нѣсколькими годами раньше, ему бы и въ голову не пришла мысль писать свою „Исторію Греціи“. Но эта послѣдняя, вышедшая вскорѣ послѣ труда Thirlwall'a, совершенно затмила его.

Thirlwall.

Гротъ не былъ профессиональнымъ ученымъ—онъ долгое время былъ банкиромъ и парламентскимъ дѣятелемъ—, и его ученая карьера шла не обычнымъ путемъ ¹⁾, что впрочемъ въ Англіи не составляетъ рѣдкости.

Гротъ.

Георгъ Гротъ, дѣдъ котораго, нѣмецъ изъ Бремена, въ серединѣ XVIII стол. переселился въ Англію и основалъ тамъ въ Лондонѣ банкирскій домъ, родился въ 1794 г. Шестнадцати лѣтъ онъ уже закончилъ свое школьное образованіе и, по волѣ отца, долженъ былъ посвятить себя занятіямъ въ банкирской конторѣ. Банкиромъ онъ оставался въ теченіе дѣлныхъ 32 лѣтъ. Свой досугъ Гротъ употреблялъ на изученіе столь любимыхъ имъ классиковъ, политической экономіи, которою тогда въ Англіи очень интересовались, философіи, не только древней—Платона и Аристотеля—, но и новой, въ томъ числѣ и нѣмецкой (напр. Канта), и т.д.

Такимъ образомъ, разносторонними познаніями и широкимъ образованіемъ, которыми отличался знаменитый историкъ Греціи, онъ былъ обязанъ самому себѣ и затѣмъ общенію съ выдающимися умами. Три лица оказали могущественное вліяніе на развитіе идей молодого Грота: политико-экономъ Рикардо, философъ Бентамъ, представитель утилитаризма, и въ особенности Джемсъ Милль, отецъ Джона Стюарта Милля, авторъ „Исторіи Индіи“ и „Анализа человѣческаго духа“. Гротъ усвоилъ многія воззрѣнія Милля Старшаго, между прочимъ его политическія антипатіи—къ аристократіи и къ официальной церкви.

¹⁾ Биографія Грота написана его вдовою: Har. Grote, The Personal life of G. Grote. 1873; есть нѣм. перев. Seligmann'a, George Grote, sein Leben und Wirken. Leipz. 1874.

Первое печатное произведение Грота—опытъ о парламентской реформѣ, изданный въ видѣ летучаго листка въ 1821 г. Но вскорѣ Гротъ обращается къ изученію греческой исторіи. Въ 1826 г., въ *Westminster Review*, появляется его статья, представляющая критическій разборъ „Исторіи Греціи“ Митфорда, которая была проникнута крайними торійскими воззрѣніями, враждою къ Аѳинамъ, и по которой тогдашняя англійская публика преимущественно знакомилась съ древней Греціей. Статья произвела большое впечатлѣніе; въ ней намѣчены уже были взгляды, развитые потомъ Гротомъ въ его большомъ трудѣ—*„History of Greece“*—; отчасти именно желаніе исправить ошибки Митфорда и представить явленія греческой исторіи съ болѣе правильной и широкой точки зрѣнія и побудило его взяться за такой трудъ¹⁾.

Но въ ту пору Грота отвлекали банкирскія занятія, а затѣмъ, въ 30-хъ годахъ, сверхъ того, и напряженная парламентская дѣятельность: онъ засѣдаетъ въ парламентѣ въ качествѣ депутата отъ Лондонскаго Сити, становится въ ряды радикаловъ, пріобрѣтаетъ извѣстность, какъ выдающійся политическій дѣятель и ораторъ, работаетъ въ различныхъ коммиссіяхъ и т. д. Все это намъ объяснить и нѣкоторыя особенности его „Исторіи Греціи“. Лишь въ 1841 г. Гротъ навсегда отказывается отъ парламентской дѣятельности, а въ 1843 г.—и отъ банкирской, и всецѣло предается работѣ надъ *opus magnum*, какъ заранѣе называлъ Дж. Ст. Милль будущую „Исторію Греціи“ Грота.

„Исторія
Греціи“.

Въ мартѣ 1846 г. выходятъ первые два тома ея, а ровно черезъ 10 лѣтъ, въ мартѣ 1856 г., съ выходомъ XII тома, капитальный трудъ былъ законченъ.

Гротъ начинаетъ съ мифовъ, которые пересказываетъ подробно, такъ-что весь I и половина II тома у него приходятся на легендарную исторію. Подлинная исторія, по мнѣнію Грота, начинается лишь съ 776 г. и распадается на шесть періодовъ, изъ коихъ первый можетъ быть разсматриваемъ, какъ подготови-

¹⁾ См. предисловіе Грота къ I т. его „Ист. Греціи“.—Если же вѣрить вдовѣ Грота, составившей его біографію, то мысль написать этотъ трудъ внушила ему она, еще въ 1823 г., видя, съ какою любовью и успѣхомъ онъ занимается исторіей Греціи. Нужно замѣтить, что г-жа Гротъ вообще не прочь выставить свое участіе въ созданіи великаго труда: она говоритъ напр.: „весь январь и февраль (1845) мы заняты были работой надъ *opus magnum*“ (т. е. надъ „Исторіей Греціи“) (стр. 193 нѣм. пер.), „нашъ 9-й и 10-й томъ“ (стр. 255), „насъ занимало печатаніе 11 т.“ (стр. 262), „нашъ 11 т.“ (стр. 263).

тельный: 1-й—съ 776 г. до 560 или до начала правленія Писистрата въ Аѳинахъ и Креза въ Лидіи (дѣленіе, кстати замѣтимъ, едва-ли удачное); 2-й—до изгнанія Ксеркса изъ Греціи; 3-й—до конца Пелопоннесской войны и до паденія Аѳинъ; 4-й—до битвы при Левктрахъ; 5-й—до битвы при Херонеѣ, и 6-й—до конца вѣка Александра. Пять періодовъ—отъ Писистрата до смерти Александра и его поколѣнія—составляютъ, по словамъ Грота, акты исторической драмы, которые могутъ быть переданы въ ясной послѣдовательности и стоять въ явной связи между собою. Въ соотвѣствующихъ мѣстахъ Гротъ включаетъ исторію сицилійскихъ и италійскихъ грековъ; онъ очень подробно останавливается на туземныхъ народахъ Азіи, Африки и Европы, съ которыми греки вступали въ тѣ или иные отношенія; при случаѣ вводитъ замѣчанія и даже цѣлыя обзоры, касающіеся греческихъ политическихъ конституцій, философіи, поэзіи и краснорѣчія, насколько это, по его мнѣнію, необходимо, чтобы изобразить многостороннюю дѣятельность греческаго народа. Свою „Исторію“ Гротъ заканчиваетъ вѣкомъ Александра и его преемниковъ, потому что послѣ этого, по его словамъ, политическая дѣятельность Греціи стѣснена и унижена, для читателя не интересна и не влияетъ на послѣдующую судьбу міра: съ этого времени греки имѣютъ значеніе лишь какъ отдѣльныя личности, какъ философы, учителя, астрономы, математики и т. д.

„Исторія Греціи“ Грота была встрѣчена какъ въ Англіи, *Устияхъ ея.* такъ и за ея предѣлами съ восторгомъ. Извѣстный историкъ Галламъ говорилъ еще по поводу первыхъ томовъ ея: „Я давно знакомъ съ ученымъ міромъ и могу смѣло утверждать, что не знаю другой книги, которая бы столь быстрымъ полетомъ достигла высочайшей вершины славы... Она вызвала поразительнѣйшую сенсацію между учеными“. Thirlwall сознавался, что произведеніе Грота затмило его собственный трудъ, что это—„достойный славы памятникъ учености, генія и мысли, подобнаго которому не представляетъ ни одна другая литература“. „Вашъ трудъ“, писалъ Люисъ Гроту, „превозмогъ всѣ прочія „Исторіи Греціи“, и тѣ, кто тоже будетъ заниматься этимъ предметомъ, должны будутъ брать вашу работу за исходный пунктъ“. Лобекъ, тогдашній „филологическій патріархъ“ въ Кенигсбергѣ, по выраженію одного современника, „снимаетъ передъ Гротомъ шляпу, а его коллега Лерсѣ преклоняетъ свои колѣни“. По мнѣнію Деллин-

гера, „History of Greece“ Грота, какъ политическая исторія, „останется, вѣроятно, навсегда единственною и недостижимою...“

Вообще, появленіе „Исторіи Греціи“ Грота было цѣлымъ событіемъ. Не смотря на большой объемъ (12 томовъ) ее читали и ею интересовались не одни спеціалисты; она возбудила вниманіе образованнаго общества Англіи, континента и Америки. Въ Англіи на ней воспитались цѣлыя поколѣнія. Не прошло и трехъ лѣтъ со времени выхода первыхъ двухъ томовъ, какъ понадобилось уже новое изданіе ихъ. Появились переводы на французскій и нѣмецкій языки и разнаго рода извлеченія ¹⁾. Имя Грота приобрѣло широкую, можно сказать — всемірную, извѣстность. Онъ былъ избранъ въ число иностранныхъ членовъ французскаго Института, въ почетные члены нѣсколькихъ университетовъ (между прочимъ — Петербургскаго и Харьковскаго), академій, историческихъ обществъ и т. д. Ему предложено было перство, отъ котораго однако онъ отказался.

Привожу эти подробности, чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ успѣхѣ, какой имѣла „Исторія Греціи“ Грота, и о томъ впечатлѣніи, какое произвела она на современниковъ. Успѣхъ ея одинъ изъ новѣйшихъ суровыхъ критиковъ ²⁾ объясняетъ тѣмъ, что Гротъ явился въ ней выразителемъ господствовавшаго духа вѣка. Конечно, въ значительной мѣрѣ это вѣрно; вѣрно и то, что распространенію славы Грота немало содѣйствовали его друзья, выдающіеся представители науки и философіи. Но успѣхъ Грота объясняется также и несомнѣнно крупными достоинствами и особенностями его труда ³⁾.

¹⁾ Нѣмецкій перев. — въ 6 объемистыхъ томахъ, убористой печати (1-е изд. въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, 2-е — въ 1880 г.). Извлеченіе на нѣм. яз. — Fischer'a и Jacoby („Geist d. griech. Gesch.“ Berl. 1884). На рус. яз. полнаго перевода нѣтъ, но есть нѣсколько статей, написанныхъ по поводу или на основаніи труда Грота. Изъ нихъ отмѣтимъ: П. М. Леонтьева, „Миѳическая Греція и Италія“ („Проилеи“, Сборн. стат. по классич. древности. М. 1851 сл., т. II) и „Историч. Греція. Время до Персидск. войнъ“ (ibid., III); В. Г. Васильевскаго, Взглядъ Грота на исторію аѳинск. демократіи (Ж. М. Н. Пр., 1867, январь).

²⁾ Pöhlmann, Zur Beurteilung Georg Grotes und seiner Griech. Gesch. (изъ Deutsche Zeitschr. f. Geschichtswiss., 1890; перепеч. въ сборникѣ его статей — Aus Altertum und Gegenwart. München. 1895).

³⁾ Въ „Отеч. Запискахъ“ за 1857 г. (т. 114, № 10) была помѣщена статья о значеніи „Исторіи Греціи“ Грота для современной науки, — переводъ ст. изъ Quarterly Review.

Гротъ, какъ мы видѣли, не прошелъ, собственно говоря, строгой, правильной школы, какую проходили и проходятъ нѣмецкіе ученые; но зато онъ обладалъ многими такими данными, какихъ не имѣли другіе историки и филологи и которыя дали ему возможность написать замѣчательную политическую исторію Греціи.

Ея досто-
инства.

Глава банкирскаго дома, одно время дѣятельный членъ парламента, выдающійся ораторъ, историкъ, философъ и критикъ, Гротъ на практикѣ былъ знакомъ съ политическою жизнью и съ финансовыми вопросами. При этомъ онъ прекрасно зналъ классиковъ и новѣйшую специальную ученую литературу, особенно нѣмецкую, посвященную греческой древности. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ широко и разносторонне образованныхъ людей своего времени. Онъ не замыкался въ какой-либо узкой специальности. Гротъ вращался въ кругу выдающихся представителей тогдашней философіи, науки и литературы; со многими изъ нихъ онъ былъ въ дружбѣ; къ ранъше названнымъ именамъ — Рикардо, Бенгтама и Джемса Милля — можно присоединить имена младшаго Милля, Галлама, Льюиса, Токвилля, отчасти Гизо, съ которыми онъ былъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. Гротъ очень часто посѣщалъ Францію, бывалъ въ Бельгіи, Германіи, Швейцаріи, Италіи, хотя — нужно замѣтить — ни разу не былъ въ Греціи! Наконецъ онъ обладалъ литературнымъ талантомъ. Свою „Исторію Греціи“ Гротъ подготовлялъ въ теченіе 20 лѣтъ съ лишкомъ, въ теченіе 10 съ лишкомъ онъ ее писалъ и печаталъ; такимъ образомъ, можно сказать, что въ общемъ, если не считать нѣкоторыхъ перерывовъ, Гротъ посвятилъ своему труду болѣе 30 лѣтъ: это былъ трудъ какъ-бы цѣлой жизни. Немудрено, что онъ вышелъ капитальнымъ.

Прежде всего, „Исторія Греціи“ Грота отличается своими размѣрами: въ англійскомъ подлинникѣ она состоитъ, какъ сказано, изъ 12 т.; изъ всѣхъ „Исторій Греціи“, которыя доведены до конца, это — самая обширная и подробная. Вообще она вполне оправдываетъ то названіе, которое заранѣе далъ ей Д. С. Милль: это — въ полномъ смыслѣ *opus magnum*. Трудъ Грота основанъ на обширномъ знакомствѣ съ литературными памятниками древности и съ современной автору разработкой греческой исторіи. Въ немъ въ полномъ блескѣ обнаруживается громадная эрудиція и широкое образованіе Грота. Его „History of Greece“ представляетъ замѣчательное явленіе также и въ отношеніи критики и

самостоятельности. Многія сообщенія и свидѣтельства, которымъ вѣрили безусловно, многіе общепринятые рассказы и мнѣнія Гротъ подвергъ сомнѣнію или критическому разбору и частью устранилъ, частью поколебалъ довѣріе къ нимъ. На многія явленія и стороны греческой исторіи онъ высказалъ новые взгляды. Вообще въ его трудѣ было много смѣлаго и оригинальнаго. Приведу нѣсколько примѣровъ, не входя въ подробное разсмотрѣніе того, насколько правъ былъ Гротъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Гротъ сознательно отказывается отъ всякаго объясненія мифовъ; время, предшествующее 776 г., онъ выдѣляетъ изъ области исторіи; по его словамъ, это время отличается иною атмосферою — атмосферою эпической поэзіи и легенды. Соединять то и другое, мифъ и исторію, по мнѣнію Грота, „нефилософски“. Онъ воспроизводитъ древнѣйшія времена, какъ ихъ представляли себѣ греки, и не берется мѣрить, сколько въ нихъ историческаго элемента. „Если читатель“, замѣчаетъ Гротъ, „за это будетъ меня порицать, если онъ меня спроситъ, почему я не подымаю занавѣса и не открываю картины, то я отвѣчу словами живописца Зевксиса, когда къ нему былъ обращенъ подобный же вопросъ при выставкѣ его художественнаго произведенія: „занавѣсъ и есть самая картина“. То, что мы теперь читаемъ какъ поэзію и легенду, нѣкогда было исторіей, которой вѣрили..., которую древнѣйшіе греки понимали и въ которой они могли находить наслажденіе: занавѣсъ ничего не скрываетъ и онъ не можетъ быть отдернутъ при помощи какаго бы то ни было остроумія...“ Основанія и объясненія легендъ Гротъ ищетъ въ человѣческомъ духѣ и дѣлаетъ широкія сопоставленія греческихъ мифовъ съ легендами и сказаніями современной Европы. Гомерическому эпосу онъ посвящаетъ цѣлую главу. Спору, поднятому Вольфомъ, онъ удѣляетъ большое вниманіе и выставляетъ свою гипотезу относительно состава Иліады, — гипотезу, о которой было упомянуто въ своемъ мѣстѣ (стр. 26).

Переходя ко временамъ историческимъ, Гротъ пытается, среди темныхъ и отрывочныхъ указаній, опредѣлить, каково было состояніе Греціи въ древнѣйшую пору и пользуется здѣсь своего рода реконструкціею — на основаніи достовѣрно извѣстныхъ фактовъ дѣлаетъ предположенія относительно предшествовавшихъ стадій развитія. Гротъ отвергъ достовѣрность преданія о раздѣлѣ земли Ликургомъ на равные участки и видѣлъ въ этомъ преданіи продуктъ III в. до Р. Хр., отраженіе идеаловъ Агиса III, когда Ликургу приписано было то, что составляло мечту царя-реформатора.

Мы видѣли, что Гротъ имѣлъ въ виду исправить ошибки Митфорда и представить исторію Греціи въ иномъ, по его мнѣнію болѣе вѣрномъ, свѣтѣ. Вопреки господствовавшимъ до него воззрѣніямъ, онъ, какъ и Нибуръ, не преклонился передъ Спартой и, по выраженію Шемана, „первый заговорилъ объ Аѣинахъ достойнымъ ихъ образомъ“. Онъ рѣшительно взялъ аѣинскую демократію подъ свою защиту. Онъ всячески старался снять съ аѣинянъ обвиненіе въ неблагодарности къ ихъ великимъ дѣятелямъ. Гротъ объясняетъ и оправдываетъ ихъ образъ дѣйствій по отношенію къ Мильтіаду послѣ неудачной экспедиціи его къ Паросу; онъ защищаетъ даже ихъ поведеніе относительно стратеговъ, одержавшихъ побѣду при Аргинусахъ и затѣмъ преданныхъ суду и казни. Онъ доказываетъ, что Клеонъ не былъ дерзкимъ, пустымъ крикуномъ и хвастуномъ, какимъ изображаетъ его комедія и Эукидидъ, и проч. Гротъ съ новой точки зрѣнія посмотрѣлъ на софистовъ и на ихъ дѣятельность; въ сужденіи объ Александрѣ Македонскомъ онъ совершенно разошелся съ Дройзеномъ и примкнулъ скорѣе къ Нибуру. А главное—въ исторіи политическаго строя Аѣинъ Гротъ, парламентскій дѣятель, многое первый выявлялъ и освѣтилъ; въ особенности это нужно сказать относительно реформъ Перикла. „Исторія Греціи“ Грота вообще отличается большимъ реализмомъ и въ этомъ отношеніи составляетъ противоположность господствовавшему прежде, нѣсколько романтическому, взгляду на грековъ. Одинъ изъ современниковъ Грота, бывшій прусскій министръ и другъ Штейна, говорилъ: „Объ Алкивіадѣ много писали древніе и новые писатели; но его образъ былъ мнѣ неясенъ. Но вотъ выступаетъ теперь Гротъ со своей „History of Greece“ и немногими штрихами рисуетъ личность Алкивіада, которая живой стоитъ передо мною... Какіе обманчивые образы рисовали намъ филологи, по незнакомству съ тревоженіями жизни. Какъ высоко цѣнили они жизнь Леонида! Наоборотъ Перикла филологи далеко не достаточно высоко ставили. Теперь для меня онъ—первый грекъ“.

Прибавимъ ко всему этому литературныя достоинства произведенія Грота, и мы поймемъ, почему оно имѣло такой успѣхъ, почему оно обратило на себя общее вниманіе и заняло одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду историческихъ трудовъ того времени.

Но капитальный трудъ Грота, конечно, имѣетъ и слабыя стороны. Послѣдующія великія открытія Шлимана и другихъ показали, сколько невѣрнаго и односторонняго было въ отношеніи

Ея недо-
статки.

Грота къ миѳической древности и къ древнему періоду греческой исторіи. Въ его „Исторіи Греціи“ есть главы, посвященныя гомерическому эпосу, лирикѣ, іонійскимъ философамъ и Пифагору, драмѣ, софистамъ и Сократу; но онъ не считалъ нужнымъ систематически и, такъ сказать, органически связать исторію политическую съ исторіей умственной жизни, и дѣлалъ это отчасти сознательно, такъ какъ предполагалъ посвятить впослѣдствіи особое сочиненіе наиболѣе выдающимся греческимъ философамъ, Платону и Аристотелю, что, дѣйствительно, и исполнилъ. Но все-же въ данномъ случаѣ это пробѣлъ, и, такимъ образомъ, его „Исторія Греціи“ есть попреимуществу исторія лишь политическая и, согласно тогдашнему направленію въ наукѣ, исторія лишь государства, а не общества. Существеннымъ недостаткомъ является и то, что Гротъ пренебрегалъ эпиграфическими данными и пользуется ими слишкомъ мало даже для того времени. Его скептицизмъ и критицизмъ заходитъ иногда слишкомъ далеко, какъ это можно видѣть и изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ выше примѣровъ; а въ своемъ пристрастіи къ Аѳинамъ, въ стремленіи защитить и обфлить ихъ онъ не знаетъ мѣры, впадаетъ въ крайности и натяжки, напр. хотя бы тамъ, гдѣ онъ говоритъ о процессѣ полководцевъ-побѣдителей при Аргивусахъ. Мѣстами трудъ Грота не столько исторія, сколько апологія Аѳинъ, и Гротъ является въ немъ не историкомъ, а скорѣе „адвокатомъ аѳинскаго демоса“.

Такое отношеніе къ Аѳинской республикѣ намъ будетъ ясно, если мы примемъ во вниманіе его политическія убѣжденія и симпатіи. Гротъ принадлежалъ не только къ „философскимъ радикаламъ“ (какъ называли приверженцевъ Бентама), но и къ политическимъ ¹⁾. Гротъ питалъ особенную любовь къ республикѣ. Когда въ 1848 г. онъ побѣхалъ въ Парижъ, то его необыкновенно возбуждала одна уже та мысль, что онъ находится въ республикѣ. Правда, къ концу жизни въ его воззрѣніяхъ произошла значительная перемѣна ²⁾; въ своихъ прежнихъ идеалахъ онъ нѣсколько разочаровался. Республиканцемъ по своему образу мыслей Гротъ оставался до конца, но сталъ сознавать, что противъ злоупотребленія силой республиканскія учрежденія даютъ не больше гарантій, нежели монархическія. Въ 1867 г., по поводу

¹⁾ Въ разгаръ его парламентской дѣятельности враждебная ему газета „Times“ называла его „ультрарадикальнымъ банкиромъ“, олицетворявшимъ въ себѣ „систему движенія“ и „деструктивный принципъ“.

²⁾ См. стр. 383 и слѣд. нѣм. пер. его біографіи.

событій въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ говоритъ: „Я пережилъ свою вѣру въ силу республики, какъ преграды противъ низкихъ страстей большинства, и допускаю возможность, что верховная власть, когда она покоится въ республиканскихъ рукахъ, можетъ быть употреблена такъ же пагубно, какъ и деспотомъ, подобнымъ Наполеону I. Поведеніе Сѣверныхъ Штатовъ въ послѣднемъ конфликтѣ съ Южными привело меня къ этому убѣжденію, хотя мнѣ стоитъ большого усилія признаться въ этомъ даже самому себѣ“. Но въ то время, когда онъ писалъ свою „Исторію Греціи“, Гротъ подчасъ слѣпо преклонялся предъ демократической республикой, видѣлъ въ ней самое чистое олицетвореніе свободы и равенства и полагалъ, что воля народнаго собранія въ Аѣинахъ всегда служила вѣрнымъ выраженіемъ воли и интересовъ всей совокупности гражданъ, и такимъ образомъ въ „Исторіи Греціи“, по замѣчанію одного новѣйшаго критика ¹⁾, обнаруживается политическое доктринерство Грота, его увлеченіе республиканскими формами. Онъ не замѣчалъ той противоположности между политической свободой и дѣйствительнымъ положеніемъ массы, того фактическаго неравенства въ обществѣ, той борьбы общественныхъ классовъ и существованія пролетаріата, которые характеризуютъ Грецію съ конца V в. Отсюда у Грота невѣрное и одностороннее освѣщеніе и оцѣнка нѣкоторыхъ явленій, въ особенности борьбы партій. Въ этихъ случаяхъ, равно какъ и въ отношеніи Грота къ земледѣльческому классу, которому онъ не симпатизируетъ, сказывается капиталистъ, ученикъ Рикардо, послѣдователь Манчестерской школы, съ ея принципомъ свободной конкуренціи и правительственнаго невмѣшательства въ экономическую борьбу, съ ея формулой: „laissez faire, laissez passer...“ ²⁾.

Едва-ли нужно, наконецъ, говорить подробно о томъ, что „Исторія Греціи“ Грота въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ устарѣла, что вполне естественно, такъ какъ въ теченіе полувѣка, прошед-

¹⁾ См. ст. Pöhlmann'a, Znr Beurteilung Georg Grotes und seiner Gr. Gesch.—Интересно сравнить эти, довольно суровыя, замѣчанія критика конца XIX в. съ тѣми отзывами, которыми встрѣченъ былъ трудъ Грота въ серединѣ прошлаго столѣтія. Въ этой разницѣ отчасти сказывается различіе въ направленіи и воззрѣніяхъ исторической науки тогда и теперь.—У Пельмана—критика основныхъ воззрѣній и направленія Грота; детальный разборъ самой исторіи аѣинскаго государственнаго строя мы найдемъ у Шемана, Die Verfassungsgeschichte Athens nach G. Grote Hist. of Greece kritisch geprüft. Leipz. 1854.

²⁾ Ibid.

шаго со времени ея появленія, наука быстро двинулась впередъ. Въ общемъ однако она до сихъ поръ сохранила за собою значеніе капитальнаго пособия, безъ котораго и теперь нельзя обойтись при подробномъ изученіи греческой исторіи и отъ котораго приходится исходить при этомъ изученіи.

Годы, слѣдовавшіе за выходомъ въ свѣтъ его главнаго труда—„Исторіи Греціи“—¹⁾, Гротъ посвятилъ двумъ своимъ монографіямъ—о Платонѣ (въ 3 т.) и Аристотелѣ (въ 2 т.); „Исторію Греціи“, „Платона“ и „Аристотеля“ Гротъ называлъ своею трилогіею.

Гротъ умеръ въ 1871 г. и погребенъ въ усыпальницѣ великихъ людей Англіи—въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, неподалеку отъ Гиббона и Маколея. Среди ученыхъ и поэтовъ стоитъ и его бюстъ съ надписью: „Historian of Greece“, „Историкъ Греціи“...

Итакъ, бывший банкиръ и парламентскій дѣятель написалъ первую замѣчательную „Исторію Греціи“. Вообще въ Англіи нерѣдки подобные примѣры непрофессіональных ученыхъ: тамъ часто случается, что дѣятели на государственномъ и иныхъ поприщахъ съ интересомъ и серьезно изучаютъ древность. Извѣстно напр., что „великій старецъ“ Гладстонъ увлекался Гомеромъ, за чтеніемъ его отдыхалъ отъ государственныхъ заботъ и дѣлъ и написалъ о немъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ главное—*Studies on Homer and the Homeric age* (Oxf. 1858. 3 т.) ²⁾.

Гладстонъ.

Изъ англійскихъ профессоръ-историковъ, выступившихъ на ученое поприще позже Грота, въ концѣ разсматриваемаго періода, отмѣтимъ Фримана, который еще въ 60-хъ годахъ издалъ трудъ о федерализмѣ ³⁾: I-й томъ содержитъ введеніе и исторію греческихъ федерацій ⁴⁾. Впрочемъ къ Фриману мы еще вернемся.

Фриманъ.

¹⁾ Издавъ первые 2 тома „Ист. Греціи“, Гротъ отправился въ Швейцарію, въ которой въ то время (1847) происходили распри между кантонами, напомнившія ему борьбу между сосѣдними греческими общинами, и онъ написалъ трактатъ о Швейцаріи.

²⁾ Нѣмецкая обработка—Schuster'a (Leipz. 1863); другіе труды Гладстона: *Inventus Mundi. God and men of the heroic age*. Lond. 1869; *Homeric Synchronism*. 1876; *Homer*. 1878.

³⁾ *History of Federal Governement, from the Foundation of the Achaian League to the Disruption of the United States*. I. 1863.—Новое изд., подъ редакціей Bury,—1893.

⁴⁾ О немъ—большая статья Wilh. Vischer'a, базельскаго профессора, который раньше Фримана занимался тѣмъ-же вопросомъ: см. *ero Ueber die Bildung von Staaten und Bünden oder Centralisation und Foederation im alten Griechenland* (1849); то и другое перепечатано въ *ero Kleine Schriften*. I. 1877.

Гротъ далъ новый, сильный толчекъ къ изученію греческой исторіи ¹⁾. Его „History of Greece“ открываетъ серію общихъ трудовъ, касающихся Греціи и принадлежащихъ большею частью Германіи. Здѣсь почти одновременно вышли труды Шемана, Э. Курціуса и Макса Дункера ²⁾.

Шеманъ (1793—1879), профессоръ въ Грейфсвальдѣ, извѣстный такими работами по греческимъ древностямъ, какъ *De comitiis Atheniensium* (1819), *De sortitione judicum apud Athen.* (1820), *Der attische Process* (1824) ³⁾ (трудъ, написанный совместно съ Мейеромъ), *Antiquitates juris publici Graec.* (1838), по многимъ кореннымъ вопросамъ расходился съ Гротомъ. Взглядъ послѣдняго на исторію аѳинской демократіи онъ подвергъ подробному критическому разбору въ изслѣдованіи подъ заглавіемъ: „Die Verfassungsgeschichte Athens nach G. Grote Hist. of Greece kritisch geprüft“ (1854). Шеманъ—консервативнѣе Грота: онъ относится съ большимъ довѣріемъ къ традиціи, и по нѣкоторымъ пунктамъ онъ оказался правымъ: послѣдующія открытія и изслѣдованія неразъ подтверждали его мнѣніе, напр. относительно времени возникновенія геліеи.

Но главный трудъ Шемана—*Griechische Alterthümer* (1855—9. 2 т.). Первый томъ ихъ появился въ то время, когда „Исторія“ Грота заканчивалась и когда еще не было „Греческой исторіи“ Э. Курціуса. Онъ содержитъ „Государственныя древности“, а второй томъ касается международныхъ отношеній и культа. Планъ изложенія „Государственныхъ древностей“ таковъ: вслѣдъ за „Введеніемъ“ и картиной Гомерической Греціи идетъ характеристика греческого государства вообще и обзоръ различныхъ формъ правленія, а затѣмъ большая часть книги посвящена обзору трехъ государствъ—Спарты, Крита и Аѳинъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ дается сначала историческій очеркъ аѳинскаго государственнаго строя, а потомъ слѣдуетъ спеціальныи обзоръ его. Такой планъ и по настоящую пору обычный въ руководствахъ по греческимъ древностямъ.

¹⁾ Ревностнымъ послѣдователемъ Грота, развившимъ еще далѣе его взгляды на аѳинскую демократію, является Oncken въ своихъ этюдахъ по исторіи Греціи V в., подъ заглавіемъ: *Athen und Hellas* (1865—6. 2 т.); ему-же принадлежитъ прекрасная монографія о „Политикѣ“ Аристотеля: *Die Staatslehre des Aristoteles*. 1870—5. 2 т. (Онкенъ извѣстенъ также изданнымъ подъ его редакцію коллекцію: *Allgem. Geschichte in Einzeldarstellungen*).

²⁾ Можно назвать еще „Geschichte Griechenlands“ Кортюма (1854. 3 т.).

³⁾ Есть новое изд. въ обработкѣ—Lipsius'a.

„Древности“ Шемана входятъ въ составъ той серіи руководствъ, которая предпринята была издательской фирмой Вейдмана и къ которой принадлежатъ такіе замѣчательные труды, какъ „Римская исторія“ Моммзена и „Греческая исторія“ Эрнста Курціуса. Руководства эти (называвшіяся „Handbücher zum Verständniss des klassischen Alterthums“) имѣли въ виду дать живое изображеніе древности и предназначались не столько для специалистовъ, сколько для болѣе широкаго круга образованныхъ читателей. И Шеманъ блистательно выполнилъ свою задачу: его „Древности“ отличаются прекраснымъ изложеніемъ, написаны живымъ языкомъ и читаются легко, съ большимъ интересомъ. Особенно удалась ему характеристика Гомерической Греціи. Но этого мало: трудъ такого знатока, какъ Шеманъ, не могъ быть простою компиляціею; онъ важенъ и для специалистовъ и вообще занимаетъ мѣсто въ ряду лучшихъ пособій по греческой исторіи и древностямъ. Главный же недостатокъ его — невниманіе къ эпиграфическому матеріалу.

„Grieschische Alterthümer“ Шемана встрѣчены были съ большимъ сочувствіемъ и еще при жизни автора выдержали нѣсколько изданій: черезъ 6 лѣтъ послѣ появленія перваго изданія понадобилось уже второе, а въ 1871 г. вышло третье. Въ виду ощущавшейся потребности въ новой переработкѣ ихъ—такъ какъ повѣйшія, въ своемъ родѣ превосходныя, руководства Бузольта и Гильберта, о которыхъ скажу далѣе, отличаются инымъ характеромъ и при всѣхъ своихъ достоинствахъ вполнѣ замѣнить „Древности“ Шемана не могли—, за эту переработку взялся извѣстный ученый Липсіусъ, который уже раньше такъ удачно обработалъ для новаго изданія совмѣстный трудъ Мейера и Шемана объ аттическомъ процессѣ, и въ настоящее время мы имѣемъ эти „Древности“ въ такомъ видѣ, который стоитъ на высотѣ современной науки: въ этомъ (4-мъ) изданіи (I т.—1897, II т.—1902) приняты во вниманіе результаты повѣйшихъ открытій и изслѣдованій ¹⁾.

Э. Курціусъ.

Имя Эрнста Курціуса останется неразрывно связаннымъ съ тѣми великими успѣхами въ дѣлѣ изученія греческой исторіи, географіи и археологіи, которыми ознаменовался XIX в.

Если Гротъ былъ финансистомъ и парламентскимъ дѣятелемъ, прежде чѣмъ стать историкомъ Греціи; если онъ никогда

¹⁾ Подробный разборъ—В. А. Шеффера, въ „Фил. Обзор.“, XVI, 1899.

не переставалъ интересоваться политическими вопросами и въ своей „Исторіи“ выдвигалъ на первый планъ политическую сторону; если многіе видные представители нѣмецкой исторической науки XIX ст. были въ значительной мѣрѣ политиками, борцами за объединеніе Германіи, готовыми проповѣдывать даже національную вражду и ненависть къ другимъ народамъ;—то Э. Курціусъ, наоборотъ, является типомъ идеалиста-ученаго, стоящаго далеко отъ злобы дня и политической борьбы, чуждаго национальной ненависти, всецѣло преданнаго изученію столь любимой и нѣсколько идеализируемой имъ классической древности: это—какъ бы представитель прежней культурной эпохи,—эпохи Винкельмана и романтизма; это—натура художественная, съ эстетическими наклонностями, больше археологъ, нежели историкъ.

Эрнстъ Курціусъ родился въ 1814 г. въ Любекѣ, въ образованной бюргерской семьѣ. Онъ слушалъ лекціи въ Боннѣ, затѣмъ въ Гёттингенѣ и наконецъ въ Берлинѣ (1833—6). Три лица были его главными учителями: въ Боннѣ—Велькеръ, въ Гёттингенѣ—К. О. Миллеръ, а въ Берлинѣ—Бекъ. Ихъ вліяніе сказывается на всей послѣдующей дѣятельности Курціуса. Въ особенности сильно было вліяніе К. О. Миллера: во многомъ Курціусъ явился исполнителемъ плановъ и завѣтовъ своего любимаго учителя, такъ рано сошедшаго въ могилу.

Въ 1837 г. Курціусъ отпраздновалъ въ Аѣины въ качествѣ домашняго учителя въ семьѣ профессора Брандиса, который приглашенъ былъ читать лекціи греческому королю Оттону. Такимъ образомъ онъ воочію знакомится съ природою страны, съ ея топографіею, съ ея памятниками. Онъ сопутствуетъ знаменитому географу К. Риттеру въ его путешествіи по Пелопоннесу, что даетъ ему впослѣдствіи возможность написать такой прекрасный трудъ, какъ его „Peloponnesos“. Вскорѣ въ Аѣины прибылъ другъ его дѣтства поэтъ Гейбель. Вмѣстѣ они гуляли „то по тихимъ берегамъ Иллісса, гдѣ Сократъ искалъ уединенія, то по оливковой рощѣ и окраинѣ Колона, или по высотамъ древняго акрополя, откуда открывался видъ на Эгину; вмѣстѣ они вдумывались въ слова аттическихъ поэтовъ, стараясь уловить ихъ внутренній смыслъ

¹⁾ О Курціусѣ—ст. А. Michaelis'a (Beil. z. Allgem. Zeitung, 1896, № 182—4), Schöne (Jahrbuch d. Königl. Preussisch. Kunstsammlungen, 1896, XVII B., 4 H.), Broicher (Preuss. Jahrb., 1896, Dez.); рѣчь Kekule von Stradonitz (Berlin, 1896); „Воспоминанія“ Gurlitt'a (въ Jahresbericht f. Altertumswiss., CXI, 1901); моя замѣтка—въ „Фил. Обозр.“, XI, 1896.

и подыскать нѣмецкое выраженіе; а по вечерамъ они записывали стихи и находили въ этой работѣ неисчерпаемое наслажденіе¹⁾. Такъ возникли „Classische Studien“, изданныя въ 1840 г., — плодъ совмѣстной работы Курціуса и Гейбеля. Въмѣстѣ съ Гейбелемъ Курціусъ совершаетъ поѣздку на Циклады, на Паросъ и Наксосъ, и эта поѣздка оставляетъ въ немъ неизгладимое впечатлѣніе, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ его лекція о Наксосѣ, читанная имъ нѣсколько лѣтъ спустя. Въ 1840 г. въ Грецію прибылъ К. О. Миллеръ. Въмѣстѣ съ нимъ Курціусъ еще разъ посѣтилъ Пелопоннесъ. Онъ сопровождалъ своего учителя и въ его поѣздкѣ въ Дельфы, закончившейся такъ трагически, и Миллеръ умеръ, какъ мы видѣли, на рукахъ Курціуса и Шелля.

Пребываніе Курціуса въ Греціи было рѣшающимъ моментомъ въ его жизни и въ направленіи всей послѣдующей его дѣятельности. По возвращеніи въ Германію онъ избираетъ темой для своей докторской диссертациі вопросъ по топографіи Аттики: *De portubus Athenarum* (1841); въ 1843 г. онъ издаетъ дельфійскія надписи, открытыя и разобранныя его учителемъ, К. О. Миллеромъ (*Analecta Delphica*), и нѣсколько аттическихъ (*Inscriptiones Atticae nuper repertae duodecim*). Онъ является дѣятельнымъ членомъ Археологическаго Общества и сотрудникомъ „*Archeologische Zeitung*“; онъ начинаетъ чтеніе лекцій въ Берлинскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, а затѣмъ — экстраординарнаго профессора.

Въ февралѣ 1844 г. въ „Научномъ фереинѣ“ Курціусъ читалъ лекцію объ аѳинскомъ акрополѣ. Со свойственнымъ ему художественнымъ талантомъ, наглядно и живо, какъ очевидецъ, описалъ онъ акрополь, его памятники, ихъ печальную судьбу. Лекція произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Присутствовавшая на ней принцесса Августа (будущая императрица), внука Карла Августа Веймарскаго, знаменитаго покровителя Гёте и Шиллера, по инициативѣ которой и возникъ упомянутый Научный фереинъ, тутъ же рѣшила пригласить Курціуса въ наставники своему сыну. Такъ начались близкія отношенія между Курціусомъ и будущимъ кронпринцемъ и императоромъ Фридрихомъ, отношенія, имѣвшія немаловажное значеніе не только въ личной судьбѣ Курціуса, но и для науки, для успѣха и осуществленія

¹⁾ Изъ „Воспоминаній“ Курціуса о Гейбелѣ. См. ст. Michaelis'а и рѣчь Kekule.

тѣхъ плановъ, которые онъ лелѣялъ. Многимъ еще памятенъ симпатичный образъ императора Фридриха; памятенъ его мирныя, высокія культурныя стремленія, и безъ сомнѣнія, эти стремленія и вкусы въ значительной мѣрѣ обязаны своимъ развитіемъ именно вліянію Курціуса.

Но исполняя обязанности наставника молодого принца, ставъ человѣкомъ, близкимъ къ семьѣ Вильгельма I, Курціусъ не оставляетъ ученой дѣятельности ¹⁾; а вскорѣ послѣ того, какъ воспитаніе принца было закончено, Курціусъ издаетъ свой первый крупный трудъ, который онъ уже давно подготовлялъ и который былъ плодомъ его путешествій по южной Греціи, — „*Peloponnesos*“ (2 т., 1851—2), сочиненіе, обратившее на себя общее вниманіе: прекрасная форма, живость, художественность и точность описаній, серьезныя научныя достоинства, все это въ немъ гармонически соединяется. Здѣсь мы видимъ отраженіе вліянія К. Риттера: примѣнены его идеи о взаимодѣйствіи природы и человѣка, географіи и исторіи.

Въ 1846 г. Курціусъ въ „*Научномъ фереѣнѣ*“ читаетъ лекцію о Наксосѣ, посвящую на себѣ слѣды живыхъ, личныхъ впечатлѣній и воспоминаній объ этомъ островѣ, а въ январѣ 1852 г. — достопамятную лекцію объ Олимпіи, полную воодушевленія и благоговѣнія къ этому священному для грековъ мѣсту, въ которой онъ говорилъ о гимнастическихъ состязаніяхъ и ихъ значеніи въ Греціи, объ исторіи Олимпіи, о произведеніяхъ искусства, таящихся въ священной почвѣ, подъ иломъ Алфея, и которую онъ закончилъ восторженнымъ призывомъ извлечь эти сокровища на свѣтъ — произвести раскопки, ибо „то, что лежитъ тамъ, въ темной глубинѣ, есть жизнь отъ нашей жизни“ (*ist Leben von unserm Leben*). Но какъ ни было сильно впечатлѣніе, произведенное этою лекціею, прошло послѣ того почти четверть вѣка, прежде чѣмъ призывъ Курціуса нашелъ себѣ надлежащій откликъ и прежде чѣмъ его давнія мечты могли наконецъ осуществиться.

Въ 1855 г. Курціусъ выступилъ съ своею „іонійскою“ гипотезою въ изслѣдованіи: „*Die Ionier vor der ionischen Wanderung*“, гдѣ выдвигалъ важное значеніе іонійскаго племени и доказывалъ, что его первоначальная родина — Малая Азія и что

¹⁾ Къ этому времени относятся его статьи: „*Ueber städtische Wasserbauten der Hellenen*“ (1847), „*Ueber die Märkte hellenischer Städte*“ (1848) и „*Die Phönizier in Argos*“ (1850).

послѣдующая іонійская колонизація мало-азіатскаго побережья является, такимъ образомъ, возвращеніемъ потомковъ на родину предковъ. Гипотеза эта вызвала немало споровъ, и Курціусу пришлось отстаивать свой взглядъ въ рядѣ статей ¹⁾. Почти одновременно съ изслѣдованіемъ объ іонянахъ вышло (1856) начало IV т. *Corpus Inscriptionum Graecarum*, значительная часть котораго обработана была Курціусомъ. Кромѣ того, къ 1853—6 годамъ относится нѣсколько небольшихъ работъ и рѣчей Курціуса, преимущественно по исторіи греческаго искусства и по топографіи.

Въ 1856 г. Курціусъ переходитъ въ Гёттингенъ. Гёттингенскій періодъ въ его дѣятельности ознаменованъ появленіемъ его главнаго труда, создавшаго ему европейскую извѣстность, — „Греческой исторіи“ (3 т., 1857—67).

„Греческая
исторія“.

„Griechische Geschichte“ Курціуса появилась тотчасъ послѣ труда Грота и заняла мѣсто какъ-бы на-ряду съ нимъ. Отъ этого труда она однако отличается во многомъ. Прежде всего, она не такъ обширна: „Исторія Греціи“ Грота въ подлинникѣ состоитъ, какъ мы видѣли, изъ 12 томовъ, „Греческая исторія“ Курціуса—всего изъ 3. Гротъ, политическій дѣятель и членъ парламента, радикаль по убѣжденіямъ, обратилъ особенное вниманіе на исторію политическую, на внѣшнія событія и развитіе учреждений и многое тутъ освѣтилъ. Напротивъ, Курціусъ, археологъ и эстетикъ, а не политикъ, обращаетъ большое вниманіе на культурную сторону, на умственную и художественную жизнь; страницы, посвященные литературѣ и искусству, въ „Греческой исторіи“ Курціуса занимаютъ немало мѣста и принадлежатъ къ лучшимъ ея частямъ. Примѣромъ можетъ служить глава: „Die Friedensjahre“, представляющая мастерскую характеристику Периклова времени. Притомъ, у Курціуса исторія и характеристика культурныхъ явленій не составляетъ простого, чисто внѣшняго придатка къ общей политической исторіи Греціи; напротивъ, въ его изложеніи та и другая соединены органически; ихъ связь и взаимодѣйствіе изображаются чрезвычайно ярко. Въ отношеніи критики Курціусъ уступаетъ Гроту. Онъ менѣе скептиченъ, зато и не впадаетъ въ такія крайности, какъ Гротъ, напр. въ вопросѣ о раздѣлѣ Лаконіи на участки. Гротъ въ своемъ трудѣ выступилъ „адвокатомъ“ аѳинской демократіи. Курціусъ болѣе умѣренъ и

¹⁾ Еще въ 1890 г. появляется его ст.: „Wie die Athener Ionier wurden“, Hermes.

болѣе безпристрастенъ. При нѣкоторой идеализаціи грековъ, при явной симпатіи къ Аѳинамъ, онъ расходится съ Гротомъ напр. въ отзывѣхъ о Клеонѣ и о процессѣ стратеговъ-побѣдителей при Аргинусскихъ островахъ, а къ Спартѣ относится безъ антипатіи. Умѣренность и безпристрастіе обнаруживается у Курціуса еще въ одномъ—и притомъ характерномъ—случаѣ. Свой трудъ онъ доводитъ до Херонейской битвы, и это понятно: для него исторія Греціи оканчивается вмѣстѣ съ независимостью послѣдней; въ установленіи македонскаго владычества онъ видитъ „не переходъ къ новой эпохѣ, которая устранила бы вымершее и вызвала бы свѣжія силы развитія, а только регрессъ, упадокъ“ и деморализацію грековъ. Тѣмъ не менѣе, говори о Филиппѣ и Демосенѣ, онъ не впадаетъ въ такой страстный тонъ и въ такую крайность, какъ многіе другіе выдающіеся историки; ему удалось стать на болѣе объективную и болѣе широкую, обще-историческую точку зрѣнія, взглянуть безпристрастно на дѣятельность того и другого, воздать каждому должное.

По размѣрамъ, цѣли и художественнымъ достоинствамъ „Греческая исторія“ Курціуса можетъ быть сопоставлена съ „Римскою исторіею“ Моммзена. Подобно ей, она имѣла въ виду не однихъ специалистовъ, а болѣе обширный кругъ читателей; подобно ей, она входитъ въ составъ изданій, предпринятыхъ фирмой Вейдмана и долженствовавшихъ соединить въ себѣ научныя достоинства съ доступностью изложенія. Изложенію Курціуса недостаетъ, правда, той силы и того блеска, которыми такъ отличается произведение Моммзена, но все же оно художественно, легко и изящно; превосходно, напр., описаніе природы Греціи въ началѣ I тома—здѣсь ярко сказалось непосредственное знакомство Курціуса съ этою природою—; очень хороши также страницы, посвященныя Периклову вѣку во II т., или рядъ мастерскихъ характеристикъ отдѣльныхъ лицъ. Произведеніе Курціуса не блещетъ такою оригинальностью, какъ „Римская исторія“ Моммзена; но зато оно и не такъ субъективно, въ немъ нѣтъ такой рѣзкости въ сужденіяхъ и отзывѣхъ: Курціусъ мягче и какъ-бы объективнѣе Моммзена. У Курціуса мало реализма; онъ нѣсколько идеализируетъ грековъ, склоненъ смотрѣть на нихъ, какъ на героевъ, нерѣдко впадаетъ въ панегиризмъ и высокопарность. Его „Исторія“ носитъ еще сантиментально-романтическій отпечатокъ. Соціально-экономическая сторона, которая такъ выдвинута у Моммзена, на которую обращается такое вниманіе въ современной исторической наукѣ

и въ новѣйшихъ трудахъ по греческой исторіи (Белоха и Эд. Мейера), у Курціуса освѣщена слабо. Не особенно силенъ онъ и въ изложеніи событій чисто политическихъ—и въ этомъ своемъ трудѣ Курціусъ является больше эстетикомъ—; обнаруживается подчасъ недостатокъ критики; сравнительно мало пользуется онъ надписями и т. д. Но зато въ произведеніи Курціуса дается мастерская общая картина развитія греческой культуры въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, въ связи съ политической исторіей; Курціусъ обнаруживаетъ тонкое пониманіе античнаго искусства и художественное чутье, прекрасное знакомство съ природою Греціи и ея вліаніемъ; его трудъ согрѣтъ любовью къ тому народу, исторію котораго онъ излагаетъ. Онъ проникнутъ „какимъ-то нѣжнымъ, элегическимъ тономъ, тихою грустью по потерянной красотѣ“ (Виламовицъ). Несмотря на нѣкоторые недостатки, „Греческая исторія“ Курціуса все-таки принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ въ исторіографіи XIX столѣтія. Со времени выхода ея прошло уже болѣе 40 лѣтъ; съ тѣхъ поръ она выдержала немало изданій, каждый разъ являясь въ дополненномъ и исправленномъ видѣ, была переведена на многіе иностранные языки — англійскій, французскій, итальянскій, русскій ¹⁾ — и до сихъ поръ сохранила за собою значеніе первостепеннаго пособія по общей исторіи Греціи.

Послѣдую-
щія рабо-
ты Курці-
уса.

Но работая надъ своею „Греческою исторіей“, Курціусъ не оставлялъ и частныхъ, детальныя изслѣдованій въ излюбленной имъ области — въ области археологіи и топографіи. Въ 1862 г. Курціусъ вторично отправляется въ Грецію и на этотъ разъ тщательно изучаетъ топографію Аѳинъ, производитъ раскопки. Результатомъ этихъ его изслѣдованій были: „Attische Studien“ (2 вып., 1862—5) и „Sieben Karten zur Topographie von Athen“ (1868). Въ Гёттингенѣ, въ дни университетскихъ торжествъ, онъ неразъ произноситъ обычныя рѣчи. Для рѣчей этихъ онъ избиралъ обще-интересныя темы, болѣе или менѣе изъ области классической древности ²⁾.

Хотя Курціусъ, какъ уже упомянуто, не былъ политикомъ и стоялъ въ сторонѣ отъ злобы дня, но онъ близокъ былъ къ семьѣ прусскаго короля, симпатіи его были на сторонѣ Пруссіи, а потому

¹⁾ „Ист. Греціи“. М. 1880—3. 3 т.

²⁾ Рѣчи эти вошли въ составъ сборниковъ подъ заглавіемъ: „Göttinger Festreden“ (1864) и „Alterthum und Gegenwart“ (1-е изд.—1875).

его положеніе въ ганноверскомъ университетѣ во время событій 1866 г. было не изъ легкихъ. Въ 1868 г. онъ совѣтъ покидаетъ Гёттингенъ и переходитъ въ Берлинскій университетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимаетъ должность „археолога“ при королевскихъ музеяхъ, а съ 1872 г.—директора отдѣла „Antiquarium“. Тогда же онъ избранъ былъ въ непремѣнные секретари Берлинской академіи наукъ, членомъ которой онъ состоялъ съ 1853 г.

Наступаетъ новый періодъ въ жизни и дѣятельности Курціуса; предъ нимъ открывается болѣе широкое научное поприще и наконецъ осуществляется его давняя мечта, исполняется заглава, къ осуществленію которой онъ призывалъ своихъ соотечественниковъ еще въ 1852 г. и на которую ему указывалъ еще К. О. Миллеръ во время совмѣстнаго ихъ путешествія по Пелопонессу: по настоянію Курціуса въ 1874 г. германское правительство рѣшило произвести на свой счетъ раскопки въ Олимпіи. Но объ этой сторонѣ дѣятельности Курціуса, равно какъ объ учрежденіи въ Аѣинахъ Отдѣленія Нѣмецкаго Археологическаго Института и о связанныхъ со всѣмъ этимъ печатныхъ трудахъ Курціуса, я буду говорить далѣе. Здѣсь же опускаю другія многочисленныя его статьи, касающіяся исторіи, религіи и искусства, и его рѣчи Берлинскаго періода, отмѣчу лишь третій (послѣ „Пелопоннеса“ и „Исторіи Греціи“) крупный общій трудъ, который Курціусъ издалъ уже въ глубокой старости, 77 лѣтъ,—*Die Stadtgeschichte von Athen* (1891); это—„топографія Аѣинъ съ исторической точки зрѣнія“, завершеніе всѣхъ прежнихъ его работъ въ этой области, результатъ болѣе чѣмъ полувѣковыхъ изслѣдованій и личныхъ наблюденій...

Умеръ Курціусъ на 82 году (1896).

Инымъ характеромъ, нежели труды Шемана и Курціуса, отличается „*Geschichte des Alterthums*“ Макса Дункера ¹⁾.

Максъ Дункеръ ²⁾ (1811—1886), профессоръ въ Галле, затѣмъ—недолгое время—въ Тюбингенѣ, подъ конецъ—директоръ Прусскаго государственнаго архива и членъ Берлинской академіи наукъ, подобно Дройзену, занимался не только древнею, но и новою исторіею. Вообще онъ имѣетъ немало общаго со своимъ другомъ Дройзеномъ: это была, по выраженію Трейчке, „поли-

Макс Дункеръ.

¹⁾ Gutschmid, Kl. Schr., I; Vischer, Kl. Schr., I.

²⁾ См. о немъ ст. Treitschke въ *Preuss. Jahrb.*, 1886, LVIII B., и книгу Нейм'а, *Das Leben Max Dunckers*. Berlin. 1891.

тическая натура“, не только ученый, но и публицистъ, страстный патріотъ, принимавшій дѣятельное участіе въ борьбѣ за единство Германіи, либераль, какъ бѣльшая часть тогдашнихъ патріотовъ, мечтавшихъ о единой Германіи, и въ то-же время монархистъ, преданный прусскому королевскому дому, врагъ демократіи и радикализма, въ молодости приговоренный къ заключенію въ крѣпости, какъ демагогъ и агитаторъ, и его „Исторія древности“, доставившая ему славу, подготовлена не въ тини кабинета, а среди политической и парламентской борьбы и агитаціи.

„Исторія древности“ М. Дункера въ первомъ изданіи появилась еще въ 50-хъ годахъ (1852—7) прошлаго вѣка, причемъ она состояла тогда изъ 4 томовъ, изъ коихъ первые два содержали исторію Востока, а III и IV (1856—7)—исторію Греціи до отраженія персовъ включительно. Съ тѣхъ поръ она переиздавалась нѣсколько разъ; надъ нею Максъ Дункеръ не переставалъ работать въ теченіе 30 съ лишкомъ лѣтъ, до самой своей смерти (1886). Въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ онъ переработалъ свою „Исторію древности“ кореннымъ образомъ: въ этомъ послѣднемъ (7-мъ, 1878 сл.) изданіи исторіи Востока посвящено уже не два, какъ было сначала, а четыре тома, исторіи Греціи до Платейской битвы—три тома, вмѣсто прежнихъ двухъ. Результаты новыхъ изслѣдованій и открытій приняты здѣсь въ соображеніе тщательнымъ образомъ ¹⁾. Но на этомъ Дункеръ не остановился: не смотря на преклонные годы—ему было тогда уже болѣе 70 лѣтъ—, онъ рѣшился продолжать трудъ, начатый за 30 лѣтъ до того, и въ 1884 г. вышелъ 8-й томъ („Die Gründung der Macht Athens und der erste Krieg mit den Peloponnesiern“), а въ 1886—9-й („Die Staatsleitung des Perikles“), составляющіе начало „Новой серіи“ (Neue Folge). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Дункеръ умеръ, и такимъ образомъ исторія Греціи осталась у него неоконченною: она доведена до смерти Перикла.

Въ произведеніи Дункера мы видимъ соединеніе синтеза съ анализомъ. По своему замыслу и назначенію его „Исторія древности“ имѣетъ преимущественно объединяющій характеръ. Дункеръ принялся за нее въ то время, когда совершены были по-

¹⁾ Хотя само собой разумѣется, что въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ Gesch. d. Alterthums Дункера и въ новомъ изданіи оказывается устарѣлою, такъ какъ послѣ его выхода сдѣланы важныя открытія; Дункеръ не могъ напр. пользоваться „Аѳ. Политіей“ Аристотеля.

разительныя открытія въ области ассиріологіи и египтологіи, но результаты этихъ открытій не были еще сведены, и историки и оріенталисты работали отдѣльно въ своихъ областяхъ. Дункеръ первый предпринялъ попытку соединить эти двѣ научныя области, воспользоваться данными ассиріологіи и египтологіи для чисто историческаго изложенія, представить въ ясной и доступной формѣ результаты открытій и изслѣдованій оріенталистовъ и освѣтить части съ точки зрѣнія цѣлаго. Что касается Греціи, то Дункеръ ставитъ въ связь ея культуру съ восточными культурами и даетъ ея общую исторію въ связи съ исторіей Востока (напомнимъ, что тогда еще не было „Исторіи Греціи“ Курціуса, вышедшей въ 1857). Въ предисловіи (къ V тому, 7-го изд.) въ отвѣтъ на mogućія возникнуть сомнѣнія, не лучше ли было бы вмѣсто возобновленія такой реконструкціи предоставить слово критическому разбору источниковъ, обожждать дальнѣйшихъ разъясненій и твердаго установленія традиціи, дальнѣйшихъ результатовъ открытій новыхъ памятниковъ и надписей, Дункеръ замѣчаетъ, что изслѣдованіе и критика идутъ постоянно впередъ, отъ одной стадіи къ другой; ихъ работѣ нѣтъ конца; наука основывается на критическомъ разборѣ данныхъ, на установленіи фактовъ не менѣе, чѣмъ на пониманіи ихъ, на связномъ представленіи о нихъ. Необходимо взаимодѣйствіе этихъ двухъ моментовъ, „ибо не только въ частяхъ и посредствомъ частей является цѣлое, но и части получаютъ жизнь и свѣтъ отъ цѣлаго“. Дункеръ полагалъ, что именно въ настоящее время (предисловіе писано въ 1881 г.) „близка опасность заблудиться по пути микрологіи и, обративъ весь взоръ на клочекъ поля, который со тщательностью воздѣлывается, потерять изъ виду формацію той почвы, которой онъ принадлежитъ“.—Съ другой стороны, повѣствовательный разсказъ у Дункера чередуется съ изслѣдованіемъ. Дункеръ вводитъ въ свое изложеніе цѣлые критическіе экскурсы: онъ передаетъ различныя сказанія, свидѣтельства источниковъ, сопоставляетъ ихъ, разбираетъ, старается объяснить ихъ генезисъ, отыскать въ нихъ историческую основу, зерно былой дѣйствительности.

По самому плану сочиненія изложеніе исторіи Греціи у Дункера должно отличаться полнотою и всесторонностью. И дѣйствительно, оно обнимаетъ внѣшнюю и внутреннюю исторію, политику и культуру, мненія и религію, поэзію и науку, философію и искусство, хотя все-таки главную часть составляютъ отдѣлы, касающіеся государственнаго устройства и борьбы партій, внѣшнихъ

отношеній и войнъ. Эти отдѣлы обработаны съ особенною полнотою и любовью. Трудъ Дункера очень обширенъ и подробенъ, подробности не только „Griechische Geschichte“ Курциуса, но даже и многотомной „History of Greece“ Грота, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ. Сказанія и свидѣтельства источниковъ, наиболѣе важныя и интересныя надписи, все это приводится обыкновенно въ переводѣ in extenso въ самомъ текстѣ, не говоря уже о подробностяхъ критическаго анализа. Изложеніе Дункера страдаетъ иногда растянутостью; но въ общемъ этотъ обширный трудъ читается легко и съ интересомъ благодарн-воодушевленію, съ какимъ онъ написанъ, литературному таланту и полному господству автора надъ матеріаломъ. Это—произведение, какъ выражаются нѣмцы, „aus einem Guss“. Особенно хороши тѣ страницы, гдѣ Дункеръ говоритъ о господствѣ аристократіи въ древней Греціи. Дункеръ вообще старается оживить предъ нами древность, перенести насъ въ ту отдаленную эпоху, поставить лицомъ къ лицу съ борющимися партіями и ихъ противоположными точками зрѣнія, съ тѣми вопросами и задачами, которые приходилось разрѣшать, и съ этою цѣлью онъ влагаетъ въ уста вождямъ или сторонникамъ той или другой партіи тѣ соображенія и доводы, которые они, по его мнѣнію, могли бы выставить въ пользу своего мнѣнія. У него очень живо напр. изображено все значеніе для внутренней исторіи Аѳинъ такой мѣры, какъ созданіеThemistocle флота, и вся противоположность взглядовъThemistocle и его противниковъ по этому вопросу. Но подобный пріемъ, конечно, довольно опасенъ и едва-ли согласуется съ требованіями строгаго научнаго изложенія: авторъ легко можетъ навязать свои личные взгляды, комбинаціи и предположенія историческимъ дѣятелямъ древности, далекому прошлому сообщить слишкомъ современный колоритъ. Тутъ предъ нами, такъ сказать, Dichtung und Wahrheit, соединеніе исторической правды съ вымысломъ, и пріемъ Дункера напоминаетъ до нѣкоторой степени обыкновеніе классическихъ авторовъ приводить рѣчи дѣйствующихъ лицъ.

На новой серіи, т. е. 8-мъ и 9-мъ томѣ, „Исторіи древности“ М. Дункера, во многихъ отношеніяхъ любопытной и характерной, я тутъ пока не буду останавливаться: серія эта появилась позже, въ 80-хъ годахъ, и въ ней отразились черты, которыя характеризуютъ нѣмецкую историческую науку послѣ 70-го года; я коснусь ея далѣе, въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же скажу лишь, что, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, трудъ Дункера принадлежитъ къ числу

выдающихся явлений нѣмецкой исторической литературы по широтѣ темы, по полнотѣ и всесторонности, по самостоятельности и прекрасному знакомству автора съ источниками и новѣйшими изслѣдованіями, по господству надъ матеріаломъ, талантливости и ясности изложенія. Онъ имѣлъ большое вліяніе на изученіе древности, на развитіе въ обществѣ интереса къ этой древности и знакомства какъ съ древнимъ Востокомъ, такъ и съ древнею Греціею.

Во французской литературѣ за рассматриваемый періодъ особенно выдается произведеніе Фюстель де Куланжа: „La cité antique“, вышедшее въ 1864 г.¹⁾

Фюстель
де
Куланжъ.

Фюстель де Куланжъ²⁾ (1830—1889), питомецъ Нормальной школы, профессоръ сначала въ Амьенскомъ лицѣѣ, затѣмъ въ лицѣѣ Св. Людовика, потомъ въ Страсбургскомъ университетѣ (1860—70), а съ занятіемъ Страсбурга нѣмцами, съ 1870 г.,—въ Нормальной школѣ и наконецъ въ Сорбоннѣ (съ 1875 г.)³⁾,—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ французскихъ историковъ XIX в., котораго нѣкоторые называютъ „обновителемъ гипотезъ и методовъ, великимъ новаторомъ, несомнѣннымъ главою новѣйшей французской исторической школы строгаго текстуальнаго изученія прошлаго человѣчества и генетическаго построенія эволюціи его культуры...“⁴⁾; его иногда сравниваютъ даже съ Монтескье, по широтѣ и мощности его историческаго кругозора⁵⁾, по вліянію на прогрессъ науки въ области исторіи и общей методологіи⁶⁾. Но въ то время, какъ одни преклоняются предъ Фюстель де Куланжемъ и увлекаются его воззрѣніями и его методомъ, со стороны другихъ эти воззрѣнія и методъ вызываютъ горячій, даже ожесточенный протестъ...

¹⁾ На русск. яз. имѣется 3 перевода, изъ коихъ два появились въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка (одинъ въ Москвѣ [Е. Корша], 1867, другой въ Спб. [2 т., 1867—8]), а третій—въ 1895 („Древняя гражданская община“. М.).

²⁾ О немъ—книжка Guiraud (Р. 1896), имѣющаяся и въ русск. перев.; ср. ст. Guiraud и въ Rev. des Deux Mondes, 1896, 1 mars („Oeuvre historique de Fustel de Coulanges“); Pelissier, Études de littérature contemporaine. Р. 1898; на русск. яз. см. ст. П. Г. Виноградова, въ „Русск. Мысли“, 1890, кн. 1.

³⁾ Съ небольшимъ перерывомъ (1880—1883), когда Фюстель де Куланжъ былъ директоромъ Нормальной школы.

⁴⁾ И. М. Гревсъ, въ Предисл. къ русск. перев. „Исторіи обществен. строя древн. Франціи“ Фюстель де Куланжа, стр. XII.

⁵⁾ Такое сравненіе мы находимъ напр. въ отзывѣ Французскаго Института о трудахъ Фюстель де Куланжа (по поводу присужденія большой преміи).

⁶⁾ См. некрологъ Фюстель де Куланжа въ Rev. hist., 1889, nov.-déc.

Въ виду этого и вообще того мѣста, которое занимаетъ Фюстель де Куланжъ среди историковъ XIX стол., я долженъ остановиться подробнѣе на его воззрѣніяхъ.

Его взглядъ
на исто-
рію.

Предметъ изученія въ исторіи для Фюстель де Куланжа—душа человѣка, но не человѣка отдѣльно взятаго, а человѣка въ обществѣ. Исторія ¹⁾, говоритъ онъ, не есть нагроможденіе происшествій всякаго рода: она наука о человѣческихъ обществахъ; она должна опредѣлить, какъ социальныя группы вѣрили, думали, чувствовали; она—сама социологія. И какъ-бы ни была, повидимому, узка и специальна тема изслѣдованія Фюстель де Куланжа, не говоря уже о такой широко захватывающей книгѣ, какъ *La cité antique*, оно всегда имѣетъ глубокой, общій интересъ. Фюстель де Куланжъ устраняетъ все внѣшнее, случайное, личное. Онъ интересуется не отдѣльными личностями, а массой. Мы не найдемъ у него изложенія войнъ или историческихъ характеристикъ, встрѣтимъ очень мало именъ. Массою же у него руководятъ понятія и интересъ, и развитіе совершается не случайно, не по чьей-либо волѣ или капризу, а въ силу извѣстной, внутренней необходимости. Фюстель де Куланжъ отчасти детерминистъ (Гиро). „Государственный и общественный строй“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ ²⁾, „никогда не является продуктомъ воли человѣка; даже воли цѣлаго народа недостаточно для ихъ созданія. Факторы человѣческаго существованія, которыя производятъ ихъ, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть измѣнены прихотью одного поколѣнія. Народы управляются не такъ, какъ они того желаютъ, а такъ, какъ того требуетъ совокупность ихъ интересовъ и основа ихъ понятій...“

„La cité
antique“.

„La cité antique“ написана Фюстель де Куланжемъ еще въ Страсбургѣ. Это—„изслѣдованіе о культѣ, правѣ и учрежденіяхъ Греціи и Рима“, исторія не столько государства, сколько общества, согласно взгляду автора на исторію, какъ на „науку о человѣческихъ обществахъ“. Здѣсь передъ нами „воскресаетъ античный міръ въ его цѣломъ, отъ таинственныхъ зародышей семьи и общественного строя до того момента, когда законы Рима и ре-

¹⁾ Чтобы составить вѣрное понятіе объ историческихъ и методологическихъ воззрѣніяхъ Фюстель де Куланжа нужно, разумѣется, имѣть въ виду не только *La cité antique*, но и другой капитальный трудъ его—*Histoire des Institutions de l'ancienne France* и статьи теоретическаго содержанія.

²⁾ См. Предисл. къ „Ист. обществ. строя древн. Франціи“.

лигія Христа создали единое отечество изъ столькихъ враждебныхъ государствъ и разрозненныхъ вѣрованій...“¹⁾).

Въ „La cité antique“ Фюстель де Куланжъ ставитъ цѣлью показать, на основаніи какихъ принциповъ и нормъ управлялось общество греческое и римское, какова, такъ сказать, „душа античной жизни“. При этомъ изслѣдованіе Фюстель де Куланжа одинаково касается и Греціи, и Рима: авторъ разсматриваетъ ихъ учрежденія вмѣстѣ, одновременно, не отдѣляя ихъ и не дѣлая между ними различія, а проводя параллель: ходъ развитія греческаго и римскаго общества, по Фюстель де Куланжу, тождественъ; въ основѣ лежали одни и тѣ-же принципы; вѣрованія, законы, управленія были аналогичны и оба общества испытали тѣ-же революціи.

Фюстель де Куланжъ настаиваетъ на коренномъ различіи между древностью и современными народами. „Въ новыя времена“, утверждаетъ онъ, „нѣтъ ничего похожаго на Грецію и Римъ; ничего похожаго не можетъ быть и въ будущемъ“. Античный міръ—это міръ *sui generis*. Наша система образованія, говоритъ Фюстель де Куланжъ, приучила насъ безпрестанно сравнивать грековъ и римлянъ съ нами, судить объ ихъ исторіи по нашей, объяснять ихъ революціи нашими. Отсюда истекаютъ многія и опасныя заблужденія. Воображали, что учрежденія древней общины можно оживить среди насъ; создавали иллюзію о свободѣ древнихъ и этимъ однимъ уже подвергали опасности свободу среди современныхъ народовъ. По мнѣнію Фюстель де Куланжа, послѣднія 80 лѣтъ—вспомнимъ, что книга появилась въ 1864 г.—ясно показываютъ, что одна изъ величайшихъ преградъ прогрессу современнаго общества есть привычка всегда имѣть передъ глазами греческую и римскую древность.

Фюстель де Куланжъ, слѣдовательно, возстаетъ противъ той республиканской легенды, которая нѣкогда была въ такомъ ходу и которою увлекались дѣятели французской революціи 1789 г. и представители либерализма: по Фюстель де Куланжу, античное общество не знало ни гражданской, ни личной свободы: въ семьѣ, родѣ, государствѣ, всюду оно было поработщено однимъ началомъ—религіей...

Причину различія между древностью и современностью Фюстель де Куланжъ видитъ въ самомъ человѣкѣ, въ его понятіяхъ.

¹⁾ Отзывъ Французскаго Института.

Исторія грековъ и римлянъ для него служитъ примѣромъ и свѣдѣтельствомъ той тѣсной связи, которая всегда существуетъ между понятіями, идеями, и общественнымъ строемъ. Если, говорить Фюстель де Куланжъ, разсматривать учрежденія древнихъ, не обращая вниманія на вѣрованія, то мы найдемъ ихъ странными и необъяснимыми; но если съ учрежденіями и законами мы сопоставимъ вѣрованія, тогда факты станутъ для насъ ясными и ихъ объясненіе представится само собою.

И всю исторію античной общины, всѣ явленія и метаморфозы въ ней Фюстель де Куланжъ выводитъ изъ одного начала—религіи. Древнее общество установлено было старою религіею, предметомъ коей были предки, а символомъ очагъ, основнымъ догматомъ коей было то, что каждый богъ покровительствовалъ исключительно одной какой-либо семьѣ или общинѣ и существовалъ только для нея; эта религія породила право; отношенія людей другъ къ другу, собственность, наслѣдство, судъ, все это освящалось и регулировалось догматами религіи и требованіями ея культа. На религіи же основывалось и правительство между людьми: власть отца въ семьѣ, царя или магистрата въ гражданской общинѣ. Все вышло изъ религіи: религія, право, управленіе, все было слито и составляло одно подъ тремя различными видами. Религія была абсолютною повелительницею какъ въ жизни частной, такъ и общественной, гдѣ государство было религіозною общиною, царь—верховнымъ жрецомъ, законъ—священною формулою; гдѣ патриотизмъ былъ благочестіемъ, изгнаніе—отлученіемъ отъ религіи, гдѣ личная свобода была неизвѣстна, гдѣ человѣкъ порабощенъ былъ государству и своею душою, и своимъ тѣломъ, и своимъ достоинствомъ. Религіей объяснялъ Фюстель де Куланжъ замкнутость родовыхъ союзовъ, борьбу между различными классами, напр. патриціями и плебеями, международныя отношенія и войны и т. д. Ею объяснялъ онъ также и внутренніе перевороты: съ теченіемъ времени старыя вѣрованія измѣнились или сгладились; съ ними измѣнились и частное право, и политическія учрежденія. Рядомъ съ болѣе древнею религіею—культомъ предковъ—развивается другая, состоящая въ обожествленіи силъ природы. Тогда открылся рядъ революцій... „Вѣрованіе устанавливается, и человѣческое общество возникаетъ; вѣрованіе измѣняется, и общество проходитъ чрезъ рядъ переворотовъ; вѣрованіе исчезаетъ, и общество мѣняетъ свою физіономію; таковъ былъ законъ временъ античныхъ“, по словамъ Фюстель де Куланжа.

Итакъ, если въ наши дни представители „экономическаго матеріализма“ склонны возводить все къ одной основѣ — экономической, то Фюстель де Куланжъ въ *La cité antique* выводитъ всѣ явленія изъ инаго единого начала — религіи: религія единственный факторъ политической и соціальной эволюціи древнихъ народовъ, — вотъ тезисъ, съ неумолимою логикою и силою развиваемый Фюстель де Куланжемъ. Это выводеніе, съ такою послѣдовательностью, многообразныхъ явленій изъ одного основнаго начала, установленіе связи и какъ-бы строгой внутренней необходимости явленій, стройность и цѣльность системы, словомъ, этотъ удивительный синтезъ въ соединеніи съ тонкимъ и глубокимъ анализомъ, строгая логичность, сила мысли и аргументаціи, ясный, необыкновенно сжатый и выразительный языкъ, — все это производитъ сильное впечатлѣніе на читателя. *La cité antique* можно назвать въ своемъ родѣ классическимъ произведеніемъ, однимъ изъ шедевровъ исторической литературы, и чтеніе ея — особенно въ подлинникѣ, такъ какъ едва-ли какой-либо переводъ можетъ передать всю прелесть ея сжатаго, выразительнаго языка, — доставляетъ высокое умственное наслажденіе. Книга, для которой авторъ едва могъ найти издателя, имѣла блестящій успѣхъ и, не смотря на нѣкоторую спеціальность и отдаленность ея темы отъ современной жизни, выдержала уже болѣе 15 изданій. Извѣстный французскій историкъ Monod (редакторъ *Revue historique*) выразился, что *La cité antique* будетъ существовать, пока существуетъ французскій языкъ, а по словамъ ученика и біографа Фюстеля де Куланжа, Guiraud, мы въ ней имѣемъ своего рода „Духъ законовъ“, ограниченный древними обществами и задуманный по методу болѣе научному.

Но Гиро заходитъ уже слишкомъ далеко. У Фюстеля де Куланжа получается цѣльная картина, стройная система; онъ показалъ, какое мѣсто занимала религія въ жизни древнихъ; онъ освѣтилъ многія явленія съ поразительною рельефностью. Но его картина не полна и не совсѣмъ вѣрна; его система односторонняя и искусственная: Фюстель де Куланжъ слишкомъ ужъ упрощаетъ историческій процессъ, и убѣжденный, что нашелъ ключъ къ объясненію всѣхъ явленій въ жизни античнаго общества, онъ не замѣчаетъ тѣхъ явленій и факторовъ, которые не подходятъ къ его системѣ; онъ оставляетъ въ сторонѣ многіе тексты и свидѣтельства, беретъ доказательства безъ разбора, смѣшивая разныя эпохи и разныя общины, грековъ и римлянъ, историческую дѣйствитель-

ность и философскія теоріи, и только такую цѣною, благодаря натѣжкамъ, достигаетъ той цѣльности и стройности, которою такъ отличается его система.

Противо-
речія у
Фюстель
де Кулан-
жа и ихъ
примире-
ніе.

Здѣсь необходимо коснуться еще тѣхъ противорѣчій, къ которыя, повидимому, впадаетъ Фюстель де Куланжъ, какъ авторъ *La cité antique* и какъ авторъ другаго капитальнаго труда—*Histoire des institutions de l'ancienne France*: нѣкоторыя черты *La cité antique* стоятъ какъ-бы въ противорѣчій съ тѣмъ, что высказывалъ въ послѣдствіи самъ Фюстель де Куланжъ объ исторіи, ея задачахъ и своемъ методѣ.

„Блаженны думающіе, что они все знаютъ“, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Фюстель де Куланжъ, „имъ невѣдомы муки ищущаго; полуистиной они довольствуются, общія фразы ихъ удовлетворяютъ. Они увѣрены въ себѣ. Они идутъ съ высоко поднятою головою; они—учители и они—судьи“. Себя Фюстель де Куланжъ не причислялъ къ такимъ счастливымъ. Въ исторіи, какъ и философіи, онъ считалъ необходимымъ методическое сомнѣніе. „Жюль Симонъ“, говорилъ онъ незадолго до своей смерти, „назадъ тому 38 лѣтъ объяснялъ мнѣ *Discours de la méthode* Декарта; отсюда вышли всѣ мои работы, ибо это картезіанское сомнѣніе, которое онъ мнѣ внушилъ, я приложилъ къ исторіи“.

Свой методъ онъ резюмируетъ ¹⁾ тремя правилами: 1) изучать непосредственно и только тексты; 2) вѣрить только тому, что они говорятъ, и 3) рѣшительно устранять изъ исторіи прошлаго современныя идеи. Единственное искусство историка состоитъ въ томъ, чтобы извлечь изъ документовъ все, что они содержатъ, и къ нимъ не прибавлять ничего такого, чего они не содержатъ. Самый лучшій историкъ, по мнѣнію Фюстель де Куланжа, тотъ, кто какъ можно ближе держится текстовъ. Себя Фюстель де Куланжъ называлъ „простымъ копателемъ текстовъ“, „un simple piocheur des textes“ ²⁾. Онъ недовѣрчиво относился къ философіи исторіи, къ обобщеніямъ, къ такъ называемымъ „руководящимъ идеямъ“ ³⁾; онъ готовъ былъ свести исторію къ „правильной интерпретаціи“ текстовъ.

¹⁾ См. напр. Предисл. къ III т. „*Hist. des instit. d. l'anc. Fr.*“.

²⁾ Въ письмѣ къ Буассье.

³⁾ „Nulle généralisation, nulle fausse philosophie, pas un ou peu de vues d'ensemble, pas ou peu de cadres“ (письмо къ Geffroy, 1875 г.; см. Guiraud, стр. 96).

Казалось бы, что въ *La cité antique* Фюстель де Куланжъ поступаетъ какъ-разъ наоборотъ: „простой копатель текстовъ“ и противникъ системъ и обобщеній даетъ своего рода образецъ синтеза, стройной, хотя и односторонней, системы; онъ настаивалъ, что слѣдуетъ основываться только на текстахъ и исходить изъ ихъ прямого смысла, а въ *La cité antique* мы видимъ немало пробѣловъ, натяжекъ, произвола; онъ говорилъ, что историкъ долженъ не смѣшивать, а различать, и самъ смѣшалъ въ одно — грековъ и римлянъ, разныя общины и разныя эпохи...

Чѣмъ же объяснить это? Помимо „*est cuiusvis hominis errare*“ — естественныхъ ошибокъ, промаховъ и несовершенствъ —, необходимо вспомнить, что между выходомъ въ свѣтъ *La cité antique* и тѣмъ временемъ, къ которому относятся приведенныя выше замѣчанія Фюстель де Куланжа, прошло довольно много лѣтъ; съ теченіемъ времени возрѣнія его измѣнились или приобрѣли болшую опредѣленность и рѣзкость, въ разгарѣ полемики ¹⁾; а во-вторыхъ, Фюстель де Куланжъ — противъ обобщеній скороспѣлыхъ и предвзятыхъ; но при нѣкоторыхъ условіяхъ онъ допускаетъ обобщенія и извѣстную философію, лишь бы онѣ не навязывались, а естественно, сами собою, вытекали изъ фактовъ: „Извѣстная философія“, говоритъ онъ, „можетъ выходить изъ исторіи; но надо, чтобы она исходила естественно, сама собою, почти помимо воли историка. Все честолюбіе послѣдняго въ томъ, чтобы хорошо видѣть факты ²⁾ и точно понимать ихъ. Онъ ищетъ ихъ не въ своемъ воображеніи или логикѣ; онъ ихъ ищетъ и находитъ путемъ детального наблюденія надъ текстами, какъ химикъ находитъ свои факты въ опытахъ, тщательно произведенныхъ“. Въ исторіи, какъ и во всякой другой наукѣ, анализъ долженъ предшествовать синтезу. „Исторія — не легкая наука; предметъ, который она изучаетъ, безконечно сложенъ; человѣческое общество — такое тѣло, гармонію и единство котораго можно уловить только подъ тѣмъ условіемъ, если послѣдовательно и чрезвычайно внимательно будутъ рассмотрѣны всѣ органы, его составляющіе и дающіе ему жизнь. Долгое и тщательное наблюденіе подробно

¹⁾ Ср. и у Guiraud.

²⁾ Подъ фактами Фюстель де Куланжъ понимаетъ не только матеріальные факты, но и идеи: „Идея, которая царила въ умахъ эпохи, есть фактъ историческій“, говоритъ онъ; „способъ, какъ организована власть, есть фактъ, и способъ, какъ современники понимаютъ и принимаютъ эту власть, есть также фактъ. Историкъ долженъ изучать тотъ и другой“.

стей является, стало быть, единственнымъ путемъ, который можетъ привести къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ“. „Цѣлые годы анализа, нужны для одного дня синтеза“.

Самъ Фюстель де Куланжъ работалъ надъ *La cité antique*, сравнительно небольшою книгою, цѣлыхъ 6 лѣтъ и былъ, конечно, убѣжденъ въ безусловной правильности своей системы и своего синтеза.

Другія работы Фюстель де Куланжа по греч. исторіи.

Изъ другихъ, менѣе важныхъ, работъ Фюстель де Куланжа, относящихся къ греческой исторіи, назовемъ мемуаръ объ островѣ Хиосѣ (1856), — его первая работа, явившаяся результатомъ пребыванія его въ Греціи (въ 1853 г.), во „Французской школѣ въ Афинахъ“, и его раскопокъ на Хиосѣ; его диссертациі: *Quid Vestae cultus in Institutis veterum privatis publicisque valuerit?* (1858), гдѣ онъ вкратцѣ излагаетъ мысли, подробно развитыя впослѣдствіи въ *La cité antique*, и о Полибіи (*Polybe ou la Grèce conquise par les Romains*. 1858); изслѣдованіе о жребіи (*Recherches sur le tirage au sort appliqué à la nomination des archontes athéniens*. 1879), гдѣ онъ отрицаетъ, чтобы жребій былъ специфическою принадлежностью той или другой формы правленія, и, придавая ему религіозное значеніе, какъ выраженію воли божества въ глазахъ древнихъ, доказываетъ исконность употребленія жребія при выборѣ архонтовъ, т. е. ближе другихъ подходитъ къ настоящему рѣшенію вопроса о времени введенія жребія; этюдъ о поземельной собственности въ Спартѣ (1880)¹⁾; какъ извѣстно, вопросъ о земельной собственности и отношенія социальныя вообще привлекали Фюстель де Куланжа не менѣе, чѣмъ вопросы о религіи и культѣ, что стоитъ въ согласіи съ его воззрѣніемъ, по которому народы организуются сообразно ихъ понятіямъ и интересамъ²⁾.

Тѣмъ.

Другому замѣчательному представителю науки и философіи во Франціи во второй половинѣ XIX в., Тэнну, принадлежитъ работа, касающаяся древней Греціи и появившаяся въ разсматриваемый періодъ, которую мы должны здѣсь отмѣтить; — это *Philosophie de l'art en Grèce* (1869)³⁾.

¹⁾ Всѣ эти работы, кромѣ латин. диссертациі: *Quid Vestae cultus... valuerit*, перепечатаны частью въ *Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire* (1891), частью въ *Questions historiques* (1893), — собраніи статей Фюстель де Куланжа, изданномъ послѣ его смерти его ученикомъ Jullian'омъ.

²⁾ Фюстель де Куланжу принадлежатъ еще ст. *Attica republ.* и *Laced. resp.* въ *Diction. des antiquités* (Darembert-Saglio).

³⁾ Позже, вмѣстѣ съ другими аналогичными работами Тэна, она вошла въ его *Philosophie de l'art* (1880. 2 т.).

Въ 1851 г. на французскомъ языкѣ вышла „Исторія грековъ“ Виктора Дюрюи (Duguy, Histoire des Grecs), книга популярнаго характера, въ которой исторія Эллады доведена до начала римскаго господства. Впослѣдствіи она была значительно переделана и распространена, такъ-что послѣднія изданія ея (1887—9; новѣйшее—1892 г., уже по смерти автора, подъ редакціею Haussoullier) состоятъ изъ 3 большихъ томовъ; они прекрасно иллюстрированы (въ общей сложности около 2000 гравюръ и 50 картъ и плановъ). Все это, въ связи съ хорошимъ изложеніемъ, дѣлаетъ „Histoire des Grecs“ Дюрюи однимъ изъ лучшихъ популярныхъ пособій для общаго знакомства съ исторіей Греціи; но большаго научнаго значенія она не имѣетъ.

Въ разработкѣ греческой исторіи немалое участіе начинаютъ принимать въ разсматриваемый періодъ и русскіе ученые.

*Разработка
греч. исто-
ріи въ
Россіи.*

Здѣсь первое мѣсто въ ту пору принадлежало Мих. Сем. Куторгѣ ¹⁾ (1809—1889). Это—первый выдающійся и совершенно самостоятельный русскій изслѣдователь въ области изученія греческой исторіи, „первоначальникъ у насъ науки объ эллинизмѣ“ ²⁾. Имя М. С. Куторги было хорошо извѣстно и западно европейскому ученому міру; многія его изслѣдованія появились въ переводахъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, печатались въ „Мемуарахъ Французской Академіи“ и проч. М. С. Куторга отличался самостоятельностью и оригинальностью воззрѣній, глубокимъ знаніемъ языка и литературы древнихъ, а также трудовъ ученыхъ XVI—XVII в. По справедливому выраженію Ѳ. Г. Мищенка, онъ „соединялъ въ себѣ увлеченіе гуманиста, начитанность еллинистовъ XVII в. и критическій тактъ ученаго нашего времени“ ³⁾. Будучи полнымъ хозяиномъ въ своей области и работая въ ней совершенно самостоятельно, М. С. Куторга къ новой, современной ему ученой литературѣ относился скорѣе отрицательно, хотя и былъ съ нею знакомъ: онъ не раздѣлялъ многихъ изъ господствовав-

*М. С. Ку-
торга.*

¹⁾ См. между проч. некрологъ М. С. Куторги (Воспоминанія и очерки Г. С. Дестуниса) въ Ж. М. Н. Пр., 1886, июль, и записку В. В. Бауера о трудахъ Куторги, въ книгѣ В. В. Григорьева, Импер. С.-Петербург. университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія. Спб. 1870.

²⁾ По вѣрному выраженію его племянника и редактора посмертныхъ трудовъ, Мих. Ст. Куторги. См. его Предисловіе къ „Собр. соч. Мих. Сем. Куторги“. Спб. 1894, I.

³⁾ См. его ред. на „Собр. соч. М. С. Куторги“ въ Каз. Ун. Зап., 1895, январь.

шихъ въ наукѣ того времени воззрѣній, былъ вообще противъ ходячихъ мнѣній и приходилъ къ своимъ, болѣею частью своеобразнымъ, выводамъ. Онъ не раздѣлялъ между прочимъ и скептическаго отношенія къ исторической традиціи грековъ. Онъ не сочувствовалъ направленію Ф. А. Вольфа и полагалъ напр., что послѣдній „встрѣтилъ въ датскомъ ученомъ Нуцгорнѣ такого противника, который ниспровергъ и разрушилъ все зданіе, построенное Ф. А. Вольфомъ и казавшееся неизблѣмымъ“. Онъ рѣзко отзывался о скептикахъ. Новѣйшіе писатели, по его мнѣнію, „не только достигли, но и перешли крайніе предѣлы мудрствованія въ своихъ такъ называемыхъ критическихъ разысканіяхъ“¹⁾. „Мы думаемъ“, писалъ М. С. Куторга въ 1872 г., въ одной изъ своихъ монографій²⁾, „что исторія древнѣйшаго періода Греціи не въ такой степени недостоверна, какъ смотрятъ на нее теперь писатели, посвящающіе себя ея изученію; что въ повѣствованіяхъ историковъ содержится истина, основанная не на изустномъ преданіи, а на подлинныхъ историческихъ памятникахъ; что съ древнѣйшихъ временъ существовала въ Греціи письменность, доставившая историкамъ возможность пріобрѣсть положительныя данныя; и что разсмотрѣніе древнѣйшихъ событій подтверждаетъ эти положенія, нисколько ихъ не опровергая. Мы дошли до этого мнѣнія, не путемъ отвлеченныхъ соображеній и не развивая какую-либо затаенную мысль, а внимательнымъ разборомъ Эллинскихъ историковъ, стараясь отыскать въ ихъ извѣстіяхъ тотъ именно смыслъ, который они сами разумѣли, и разъясняя ихъ показанія подобными же явленіями у другихъ народовъ“. И своей точкѣ зрѣнія М. С. Куторга находилъ опору въ новѣйшихъ открытіяхъ... Въ обобщеніяхъ своихъ М. С. Куторга старался держаться „на точкѣ зрѣнія древняго Эллина“³⁾ и не переносить современныхъ идей въ древность. По словамъ Г. С. Дестуниса⁴⁾, было „что-то сильно античное и въ хорошихъ и дурныхъ сторонахъ его личности, вполне своеобразной и недѣлимой“. Замѣтимъ еще, что М. С. Куторга въ 1860—1 г. путешествовалъ по Греціи, а это среди русскихъ ученыхъ того времени было рѣдкостью.

¹⁾ „О достовѣрности древнѣйшей греческой исторіи“ (изд. въ посмертн. „Собр. соч.“, II), стр. 20.

²⁾ Ibid., стр. 19—20.

³⁾ О. Г. Мищенко, ibid.

⁴⁾ Въ письмѣ къ племяннику М. С. Куторги (см. Предисл. къ „Собр. соч.“, II (Спб. 1896), стр. VI.

Первая работа М. С. Куторги, сдѣлавшая его имя извѣстнымъ и за границею, относится еще къ 30-мъ годамъ прошлаго вѣка: это—„*De antiquissimis tribubus Atticis earumque cum regni partibus nexu*“ (Dorp. 1832), для того времени замѣчательное изслѣдованіе, одно изъ основныхъ по данному вопросу; оно потомъ появилось въ переводѣ на французскомъ ¹⁾ и нѣмецкомъ ²⁾ языкахъ, и ссылки на него можно встрѣтить и теперь еще въ специальныхъ изслѣдованіяхъ на ту-же тему и въ общихъ трудахъ по греческой исторіи и древностямъ; съ мнѣніемъ М. С. Куторги до сихъ поръ приходится считаться. На русскомъ языкѣ въ 1838 г. М. С. Куторга издалъ диссертацию о „Колѣнахъ и сословіяхъ аттическихъ“ (Спб.), гдѣ онъ проводитъ мысль, что первоначальные жители Аттики, пеласги, были покорены іонянами, которые одни только составляли филы и сословіе евпатридовъ; пеласги были внѣ филъ, назывались димотами (т. е. демотами) и составляли классъ геоморовъ.

Расцвѣтъ дѣятельности М. С. Куторги совпадаетъ приблизительно съ тѣмъ періодомъ, который мы рассматриваемъ теперь. Куторга былъ тогда профессоромъ въ Петербургскомъ университетѣ (1835—69). Къ этому времени принадлежатъ: „Греческая исторія до начала Персидскихъ войнъ“ (1843), „О поэтической и философической сторонѣ аѳинской образованности“ (1843), „Исторія Аѳинской республики отъ убіенія Иппарха до смерти Мильтіада“ (1848), статья о Периклѣ (въ „Современникѣ“ за 1850 г.) и о „Законодательствѣ Алкмеонида Клизеена“ (въ „Пропілеяхъ“, т. III, 1853) ³⁾, „Хронологическія разысканія, относящіяся къ событіямъ Персидскихъ войнъ“ (1853), вышедшія потомъ (1858) въ измѣненномъ и дополненномъ видѣ подъ заглавіемъ: „Персидскія войны. Критическія изслѣдованія событій этой эпохи...“ (пер. на франц. яз. 1861); актовая рѣчь о раздѣленіи собственности въ Аѳинахъ и о „трапезитахъ“ или банкирахъ ⁴⁾ (1858); мемуаръ на французскомъ языкѣ о персидской партіи и о процессѣThemistocle ⁵⁾

¹⁾ Essai sur l'organisation de la tribu en antiquité. 1839.

²⁾ Beitrag zur Erklärung der vier ältesten attischen Phylen. 1851.

³⁾ Есть и на нѣм. яз.

⁴⁾ На франц. яз.—Essai historique sur les trapésites ou banquiers d'Athènes (Mémoire lu à l'Acad. des sciences morales et politiques. 1859).

⁵⁾ Mémoire sur le parti Persan dans la Grèce ancienne et le procès de Themistocle. P. 1860. (Mém. présentés par divers savants à l'Acad. des Inscript. et belles-lettres).

(1860); историческое изслѣдованіе „О днѣ и праздникѣ новаго года у аѳинянъ передъ Пелопоннесскою войною, съ объясненіемъ одной Оропской надписи“ (1865); „Введеніе въ исторію греческой образованности“ (Ж. М. Н. Пр., 1867, янв.) и проч.

Въ 1869 г. Куторга перешелъ въ Московскій университетъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ (1874) онъ окончательно покинулъ кафедру. Съ тѣхъ поръ и до самой смерти (1886) онъ жилъ безвыѣздно въ деревнѣ. Но и тутъ, живя въ уединеніи, онъ продолжалъ попрежнему заниматься греческою исторіею, пользуясь своею богатою библіотекою. Въ 1874—5 гг. въ „Русск. Вѣстн.“ появились его статьи: описаніе „Платей“, отрывокъ изъ путешествія по Греціи, и „Борьба демократіи съ аристократіей въ древнихъ эллинскихъ республикахъ предъ Персидскими войнами“; затѣмъ—большая критическая статья о Периклѣ („Русск. Вѣстн.“, 1880), по поводу „Очерка государственной дѣятельности и частной жизни Перикла“ П. И. Люперсольскаго. Уже по смерти М. С. Куторги, въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за 1891—2 г. были напечатаны нѣкоторыя его работы, оставшіяся въ бумагахъ; а въ 1894—6 г. вышло „Собраніе сочиненій“ М. С. Куторги въ 2 большихъ томахъ, куда, кромѣ только-что упомянутыхъ статей изъ Ж. М. Н. Пр., вошли и другіе посмертные труды его, до тѣхъ неизданные¹⁾. Имъ дано одно общее заглавіе: „Аѳинская община по извѣстіямъ эллинскихъ историковъ“, но содержаніе ихъ очень разнообразно, напр. объ изученіи эллинизма на западѣ съ эпохи Возрожденія, о правительственной дѣятельности аѳинскихъ гражданъ, понятіяхъ древнихъ эллиновъ о службѣ и ученіи философовъ о государствѣ; о положеніи рабовъ и вольноотпущенныхъ въ Аѳинской республикѣ (т. I); о достовѣрности древнѣйшей греческой исторіи, историкахъ и логографахъ; объ Аѳинской Политіи, какъ особомъ видѣ республики, ея происхожденіи, свойствѣхъ и всемірно-историческомъ значеніи; о Финикіи, Киринѣ (т. е. Киренѣ) и вліяніи Востока на развитіе греческой образованности.

По своему характеру труды эти, хотя они написаны въ 70-хъ и 80-хъ годахъ (а изданы лишь въ 90-хъ), принадлежатъ скорѣе къ разсматриваемому періоду; между прочимъ въ нихъ мало использованъ эпиграфическій матеріалъ, на который стали обращать такое вниманіе съ конца 60-хъ годовъ; вообще „Сочи-

¹⁾ Кромѣ изслѣдованія о Таманскомъ полуостровѣ, напечатаннаго въ 1870 г. („Рус. Вѣстн.“).

ненія“ М. С. Куторги во многихъ отношеніяхъ являются теперь ужъ устарѣлыми.

Мы видѣли, какъ многочисленны и разнообразны были труды М. С. Куторги въ области греческой исторіи. Но все-же его преимущественно интересовала Аѳинская республика. На эту республику онъ высказывалъ своеобразный взглядъ: по его мнѣнію, при Периклѣ демократія замѣнилась политіей, особымъ, высшимъ видомъ республиканскихъ учреждений, явившимся „существеннымъ выраженіемъ государственнаго ума эллиновъ“; „аристократія и демократія были только подготовленіемъ и переходомъ къ состоянію, увѣнчанному Политією“. Аристотель зналъ и превозносилъ Политію, но новѣйшіе ученые, къ изумленію, ее проглядѣли: они говорятъ о демократіи въ Аѳинахъ, о Политіи же вовсе не упоминаютъ, не произносятъ даже ея имени, „какъ будто-бы такого вида древнихъ эллинскихъ республикъ и не существовало“.

„Въ своемъ постепенномъ и долговременномъ изученіи Исторіи Греціи“, писалъ М. С. Куторга незадолго до смерти ¹⁾, какъ-бы высказывая свою profession de foi, „я дошелъ до вывода, что *Πολιτεία*, т. е. Гражданство или Гражданская Община, была высшимъ государственнымъ строемъ, до коего достигли древнія эллинскія республики; и что въ этой Политіи Эллина выработали двѣ идеи, составляющія ихъ величіе и неоспоримую собственность: идею свободы гражданина и идею свободы мысли. Эти двѣ идеи и доставили Эллинамъ всемірно-историческое значеніе, ибо онѣ послужили основаніемъ послѣдовавшаго успѣха. Перенесенныя, вслѣдствіе завоеваній Александра Македонскаго, въ Азію, онѣ преобразили Востокъ и подготовили древній міръ къ пониманію и принятію христіанства. Понятія вновь въ Западной Европѣ въ эпоху Возрожденія, онѣ равномѣрно преобразили Западную Европу и доставили ей, всѣми нами признаваемое и какъ бы созерцаемое, первенство. Излагая эти мысли, я старался побудить своихъ слушателей къ изученію древней Греціи и къ точному уразумѣнію ея значенія. Но, кромѣ того, я указывалъ и постоянно представлялъ необходимость изученія древней Греціи, вѣрнѣе говоря Эллиинства, для знанія нашей собственной русской народности, ибо ни одно начало не произвело на русскую народность такого сильнаго вліянія и не проникло такъ глубоко, какъ начало эллин-

¹⁾ Письмо къ Г. С. Дестунису, 1883 г. См. „Предисл.“ къ I т. „Собр. соч.“, стр. VII.

ское“. По мнѣнію М. С. Куторги, „изучая исторію древнихъ грековъ, мы изучимъ исторію своихъ, если позволено такъ выразиться, духовныхъ праотцевъ“¹⁾.

Другіе рус-
скіе ученые
этого пе-
риода.

Въ средѣ русскихъ ученыхъ вообще обнаруживалось больше интереса и симпатіи къ древней Греціи, нежели къ древнему Риму. Греческой исторіи посвящена была и диссертация Харьковскаго профессора М. М. Лүнина²⁾ (1807—1844), который для Харькова былъ тѣмъ, чѣмъ Т. Н. Грановскій для Москвы. Древнею исторіею, Востокомъ и Греціею, занимался и другой профессоръ Харьковскаго университета — А. П. Рославскій-Петровскій³⁾ (1816—72). Среди специалистовъ по греческой исторіи мы можемъ назвать также И. К. Бабста †⁴⁾ (впослѣдствіи занимавшася политической экономіею), М. М. Стасюлевича⁵⁾ (бывшаго профессора Петербургскаго университета, нынѣ редактора „Вѣстн. Европы“), В. В. Бауера⁶⁾ (1833—1884), проф. Петерб. унив., который потомъ специализировался на новой исторіи, П. И. Люперсолскаго⁷⁾ (бывш. проф. Нѣжинскаго Истор.-филол. ин-стит.). Извѣстный византиистъ акад. В. Г. Васильевскій (1838—1899) началъ свою ученую дѣятельность трудами по греческой исторіи: его магистерская диссертация посвящена была „Политической реформѣ и социальному движенію въ древней Греціи въ

¹⁾ См. критическія замѣчанія О. Г. Мищенко, Каз. Ун. Зап., 1895, и „Филол. Обзор.“, XIII.

²⁾ Prolegomena ad res Achaeorum, quibus mythica Argolidis historiae primordia breviter adumbrantur. Dorp. 1832.

³⁾ Его труды по греческой исторіи: „Очеркъ быта и правленія древней Спарты. Сочин. Ксенофонта *Λακεδαιρ. πολιτεία*, разобранное и представленное въ связи съ другими источниками“. Харьк. 1838; „Обозрѣніе исторіи древняго міра. Вып. 2-й: Исторія грековъ до начала борьбы ихъ съ персами“. Харьк. 1852; „Введеніе въ курсъ исторіи главн. народовъ древн. міра и ихъ цивилизацій“. Харьк. 1870; „Персидскія войны“ (Ж. М. Н. Пр., 1871, ч. 154) и друг. О Рославскомъ-Петровскомъ см. между проч. „Лицей кн. Безбородко“, изд. гр. Кушелевъ-Безбородко. Спб. 1859.

⁴⁾ Государственные мужи Греціи въ эпоху ея распадѣнія. М. 1851 (объ этой книгѣ—ст. Т. Н. Грановскаго, Соч., II).

⁵⁾ Аѳинская игемонія. Спб. 1849 (маг. дис.); Ликургъ Аѳинскій. Спб. 1851 (докт. дис.); Защита Кимонова мира. Спб. 1852.

⁶⁾ Аѳинская игемонія. Спб. 1858 (маг. дис.); Эпоха древней тираниі въ Греціи. Спб. 1863 (докт. дис.).

⁷⁾ Храмовый городъ Дельфы съ оракуломъ Аполлона Пифійскаго въ древн. Греціи. Спб. 1869; Очеркъ госуд. дѣятельн. и частн. жизни Перикла („Изв. Инст. кн. Безбородко въ Нѣж.“ и отдѣльно. Кіевъ. 1877).

періодъ ея упадка" (1869) ¹⁾. Въ концѣ разсматриваемаго періода появилась и диссертация проф. Θ. Θ. Соколова: „Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи“ (Спб. 1865); но о Θ. Θ. Соколовѣ мы будемъ еще говорить далѣе, по поводу успѣховъ эпиграфики у насъ въ Россіи. Здѣсь же я останавлиюсь нѣсколько на трудахъ К. Я. Люгембиль (1830—1887), профессора классической филологіи въ Петербургскомъ университетѣ, писавшаго частью на русскомъ, частью на нѣмецкомъ языкѣ.

К. Я. Люгембилью принадлежитъ, во-первыхъ, изслѣдованіе объ остракизмѣ (на нѣм. яз.) ²⁾, въ которомъ онъ развиваетъ далѣе мысль, высказанную нѣкогда мимоходомъ Рошеромъ ³⁾; по его мнѣнію, остракизмъ — это вотумъ недовѣрія; настоящею цѣлью его было удаленіе вождя одной изъ борющихся партій, — того, къ которому большинство питало недовѣріе. Во-вторыхъ, ему принадлежатъ „Историко-филологическія изслѣдованія“ (Спб. 1868), на русск. языкѣ, напечатанныя потомъ на нѣмецкомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ ⁴⁾. Изъ этихъ изслѣдованій одно касается „Аѣинскаго царя Кодра и отмѣны царской власти въ Аѣинахъ“, другое — „архонтства и стратегіи въ Аѣинахъ во время Персидскихъ войнъ“. Въ первомъ К. Я. Люгембиль приходитъ къ выводу, что монархическое правленіе не было отмѣнено послѣ смерти Кодра, что пожизненные архонты были тѣ-же цари и что не только они, но и десятилѣтніе архонты носили царскій титулъ, который въ Аѣинахъ существовалъ всегда. Какъ извѣстно, изложеніе „Аѣинской Политіи“ до нѣкоторой степени подтвердило то, что доказывалъ К. Я. Люгембиль. Во второмъ изслѣдованіи авторъ касался столь спорнаго прежде — до открытія Аристотелева трактата — вопроса о жребіи и времени введенія его; онъ относилъ это введеніе ко времени Эфіальта, — мнѣніе, теперь опровергаемое свидѣтельствомъ „Политіи“.

К. Я. Люгембиль.

¹⁾ Изъ „Ж. М. Н. Пр.“ за 1868—9; В. Т. Васильевскому принадлежитъ также статья: „Взглядъ Грота на исторію аѣинской демократіи“ (ibid. 1867, ч. 134).

²⁾ Ueber d. Wesen und die histor. Bedeutung d. Ostrakismos in Athen (въ Jahrb. f. klass. Philol., IV Suppl.-band. 1861).

³⁾ Leben, Werk und Zeitalter d. Thukyd. Gött. 1842, стр. 381.

⁴⁾ Zur Gesch. d. Staatsverf. von Athen, въ N. Jahrb., V Suppl.-band. 1871.

Развитіе эпиграфики и раскопки 70-хъ и 80-хъ годовъ.

Семидесятые и восьмидесятые годы прошлаго столѣтія характеризуются прежде всего развитіемъ эпиграфики ¹⁾ и великими открытіями въ области греческой археологіи.

Эпиграфика до конца 60-хъ годовъ.

Бекъ, какъ мы видѣли, положилъ начало современной эпиграфикѣ. Въ 1842—55 г. уже извѣстный намъ (см. стр. 319) выдающійся дѣятель на поприщѣ науки, греческой литературы и политики Рангави (Rangabé) издалъ „Antiquités helléniques“ (2 т.), въ которыхъ собраны надписи, найденныя въ Греціи со времени ея освобожденія. Съ конца 40-хъ годовъ начали опубликовываться результаты археологической экспедиціи Le Bas въ Грецію и Малую Азію въ 1843—4 г. и собранныя при этомъ надписи, съ комментариемъ самого Le Bas, Waddington'a и затѣмъ Foucart'a ²⁾. Тотъ же Foucart, вмѣстѣ съ Wescher'омъ, издалъ надписи, собранныя въ Дельфахъ, въ началѣ 60-хъ годовъ ³⁾. Англійскій эпиграфистъ Ньютонъ (Newton) въ 1855 г. на Константинопольскомъ ишподромѣ находить знаменитый треножникъ, который послѣ битвы при Платеѣ принесенъ былъ греками въ даръ въ Дельфы и на которомъ начертаны были имена греческихъ государствъ, участвовавшихъ въ борьбѣ противъ персовъ, и затѣмъ дѣлаетъ рядъ другихъ открытій по части надписей, напр. на Мало-азіатскомъ побережьѣ и т. д.

Начало нового періода.

Но все-же со времени Бека и до конца 60-хъ годовъ по изученію надписей, говоря вообще, было сдѣлано сравнительно немного и на нихъ не обращали такого вниманія, какого онѣ заслуживали. Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ начинается новый періодъ. Ad. Kirchhoff издаетъ изслѣдованіе о греческомъ алфавитѣ ⁴⁾; Ulrich Köhler—свои „Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte d. delisch-attisch. Bundes“ ⁵⁾, первостепенный трудъ по исторіи Делосско-аттического союза, основанный на надписяхъ, подвергнутыхъ образцовому анализу; греческій эпиграфистъ Ку-

¹⁾ Larfeld, Gr. Epigr.²

²⁾ Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure... II-me partie: Inscriptions grecques et latines. 3 v. 1847—76. Ср. выше, стр. 20, прим. 3 и 317.

³⁾ Wescher et Foucart, Inscriptions recueillies à Delphes. P. 1863.

⁴⁾ Studien zur Geschichte d. griech. Alphabets, сначала въ Abhandl. d. Berl. Akad. d. Wissensch. за 1863 г., потомъ (въ 1867 г.)—отдѣльно.

⁵⁾ Въ Abhandl. d. Berl. Akad. d. Wissensch. за 1869.

manudis собираетъ аттическія надгробныя надписи ¹⁾, и наконецъ, что главное, Берлинская Академія Наукъ приступаетъ къ изданію новаго монументальнаго собранія—*Corpus Inscriptionum Atticarum*—, которое начало выходить съ 1873 г. ²⁾. Дѣло въ томъ, что новый матеріалъ по части аттическихъ надписей такъ разросся, что его невозможно было издавать въ видѣ „добавленій“ (*Supplementa*) къ *Corpus Inscr. Graecarum*, какъ нѣкогда предполагалось; достаточно сказать, что у Бека, въ I томѣ, всѣхъ аттическихъ надписей собрано менѣе 1000; а въ новомъ собраніи, т. е. въ *Corp. Inscr. Atticarum*, ихъ насчитывается около 10000. Притомъ желательно было дать болѣе исправный, точный текстъ уже изданныхъ надписей, по лучшимъ копіямъ. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи *Corpus Inscript. Atticarum* стоитъ гораздо выше собранія Бека.

Инициаторомъ новаго собранія былъ упомянутый уже раньше проф. Берлинскаго университета, Ад. Кирхгофъ (род. въ 1826 г.). Онъ-же обработалъ I томъ, содержащій надписи до архонтства Евклида, т. е. до 403 г. до Р. Хр., и часть IV тома, содержащаго дополненія (*Supplementa*); кромѣ того, ему принадлежатъ отдѣльныя изслѣдованія эпиграфическаго матеріала ³⁾. Его сотрудниками по *Corpus Inscript. Atticarum* были Ulr. Köhler и Dittenberger. Келеръ (род. въ 1838 г.), авторъ упомянутаго замѣчательнаго изслѣдованія о первомъ аѳинскомъ союзѣ, бывшій секретарь прусскаго посольства въ Аѳинахъ ⁴⁾, а затѣмъ профессоръ въ Страсбургѣ, съ 1875 по 1886 г. стоялъ во главѣ только-что основаннаго тогда отдѣленія Нѣмецкаго Археологическаго Института въ Аѳинахъ ⁵⁾. Большую часть надписей, входящихъ въ С. I. А., онъ собственноручно скопировалъ или сличилъ на мѣстѣ; кромѣ того онъ взялъ на себя обработку II тома (1877—88) этого собранія, т. е. надписей отъ архонтства Евклида

¹⁾ Ἀττικῆς ἐπιγραφαὶ ἐπιτάφιοι. 1871.

²⁾ См. выше, стр. 20.

³⁾ Напр. Bemerkungen zu den Urkunden der Schatzmeister der anderen Götter (въ Abhandl. d. Berl. Akad. d. Wissensch., за 1864); Zur Gesch. d. Athen. Staatsschatzes im V Jahrh. (ibid., за 1876); Ueber die Tributpflichtigkeit der attischen Kleruchen (ibid., за 1873).

⁴⁾ Прусское правительство имѣло обыкновеніе на должность секретари посольства назначать ученыхъ.

⁵⁾ Larfeld², стр. 408. Въ 1886 г. Келеръ занялъ кафедру въ Берлинскомъ университетѣ.

до Августа, и Supplementa къ нему въ IV т.; а Диттенбергеръ обработалъ III т. (1878—82), содержащій аттическія надписи времени римской имперіи. Диттенбергеръ извѣстенъ также своимъ сборникомъ избранныхъ надписей — Sylloge inscript. Graec. (см. выше, стр. 22) ¹⁾.

Въ 1882 г. Берлинская же академія наукъ издаетъ сборникъ древнѣйшихъ греческихъ надписей въ обработкѣ Röhl'я ²⁾. Вообще изданіе Corpus Inscript. Atticarum было лишь началомъ цѣлой серіи собраній, о которыхъ я упоминалъ въ началѣ, на стр. 20—22, и которыя большею частью принадлежатъ уже послѣднему періоду.

Эпиграфика въ Англии,

Почти одновременно съ Берлинскимъ Corpus Inscr. Atticarum, въ Англіи появилась своя коллекція надписей: извѣстные знатоки эпиграфики Newton, о которомъ я уже упоминалъ, и Hicks, которому принадлежитъ A manuel of Greek historical inscriptions (1882) ³⁾, въ 1874 г. начали издавать собраніе надписей, имѣющихся въ Британскомъ музеѣ (Collection of ancient greek inscriptions in the British Museum) ⁴⁾.

во Франціи,

Изъ французскихъ ученыхъ въ области эпиграфики въ разсматриваемый періодъ выдавались Dumont ⁵⁾ и особенно Foucart ⁶⁾, стоявшіе во главѣ французской школы въ Аѳинахъ, о дѣятельности которой мнѣ еще придется говорить. А изъ итальянскихъ ученыхъ успѣхамъ эпиграфики много содѣйствовалъ Comparetti ⁷⁾: при его посредничествѣ командированъ былъ на о-въ Критъ Halbherr, открывшій, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ ученымъ Фабриціусомъ, въ серединѣ 80-хъ годовъ знаменитую Гортинскую надпись (см. выше, стр. 17).

Италии,

Россіи.

Въ дѣлѣ собиранія и изученія греческихъ надписей въ разсматриваемый періодъ далеко не послѣднее мѣсто принадлежитъ русскимъ ученымъ. Изъ болѣе раннихъ извѣстны напр. труды

¹⁾ 2-е изд.—въ 3 т.

²⁾ См. выше, стр. 19.

³⁾ Нов. изд.—1901.

⁴⁾ Аттическія надписи находятся въ 1-й ч.

⁵⁾ Ему между проч. принадлежатъ: Essai sur la chronologie des archontes athéniens postérieures à la CXXII Olympiade. 1870; Fastes éponymiques d'Athènes. 1874; La population de l'Attique d'après les inscriptions récemment découvertes. 1878; Essai sur l'éphébie attique. 2 v. 1875—6.

⁶⁾ См. выше, стр.

⁷⁾ Larfeld², стр. 422.

Н. Н. Мурзакевича и В. Н. Юргевича по части надписей юга Россіи. Но занятія эпиграфикой у насъ развились преимущественно съ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Первый крупный сборникъ надписей у насъ принадлежитъ проф. И. В. Помяловскому; въ 1881 г., къ V Археологическому съѣзду въ Тифлисѣ, онъ издалъ „Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа“. На развитіе эпиграфики въ Россіи оказалъ большое вліяніе проф. Петербургскаго университета *Θ. Θ. Соколовъ*, какъ своими изслѣдованіями ¹⁾, такъ въ особенности практическими занятіями со своими слушателями. Почти всѣ современные русскіе эпиграфисты вышли изъ его школы. Съ 1880 г., въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, министерство народнаго просвѣщенія посылало въ Грецію для занятій эпиграфикой и археологіей молодыхъ людей, обыкновенно на два года; такъ, командированы были В. В. Латышевъ (нынѣ академикъ), В. К. Ернштедтъ (академикъ и проф. Петербургскаго унив., сконч. въ 1902 г.), затѣмъ г. Д. Корольковъ, А. В. Никитскій (теперь—проф. въ Москвѣ), Н. И. Новосадскій (проф. въ Варшавѣ), А. Н. Щукаревъ (прив.-доц. Петерб. унив., сконч. въ 1900 г.),—все ученики *Θ. Θ. Соколова*. Немало надписей было ими открыто, собрано и опубликовано, частью въ русскихъ изданіяхъ (напр. въ Ж. М. Н. Пр.), частью въ иностранныхъ,—въ Mittheilungen d. Deutsch. Archäolog. Institutes in Athen, Bulletin de correspondance hellénique, *Ἐφημερίδα ἀρχαιολογική*. Результатомъ занятій А. Н. Щукарева, такъ безвременно скончавшагося 39 лѣтъ отъ роду ²⁾, были между прочимъ его „Изслѣдованія въ области каталога аѳинскихъ архонтовъ III в. до Р. Хр.“ (1889) ³⁾, матеріаломъ для которыхъ послужили главнымъ образомъ надписи; А. В. Никитскій занимается преимущественно Дельфійскими надписями; результаты свои онъ обнародовалъ (если не

¹⁾ Напр. „Списки дани союзниковъ афинскихъ“ (Труды II Археолог. Съѣзда. Спб. 1876), а особенно „Афинское постановленіе въ честь Аристомеха Аргоскаго“ (Ж. М. Н. Пр., 1879, ноябрь) и рядъ статей подъ заглавіемъ: „Въ области древней исторіи“ (Ж. М. Н. Пр., 1897, 1902). Вообще проф. Э. Э. Соколовъ въ своихъ изслѣдованіяхъ чаще всего касается III и отчасти II в. до Р. Хр.—темной, еще мало изслѣдованной поры въ исторіи Греціи. См. напр. кромѣ уже упомянутыхъ статей, его рѣчь: „Третье столѣтіе до Р. Хр.“ (Ж. М. Н. Пр., 1886, іюль); „Кефалины въ амфиктіоніи“ (Ж. М. Н. Пр.).

²⁾ См. о немъ—некрологи въ „Ж. М. Н. Пр.“, 1900, ноябрь, и въ „Фил. Обзор“, XVIII, 1900.

³⁾ Въ Ж. М. Н. Пр. и отдѣльно.

считать отдѣльныхъ статей)¹⁾ позже²⁾, уже въ 90-хъ годахъ (въ „Дельфійскихъ эпиграфическихъ этюдахъ“ [Одесса. 1894—5])³⁾ и даже въ 1901 г. (въ „Изслѣдованіяхъ въ области греческихъ надписей“ [Юрѣвъ. 1901], затрогивающихъ и методологическіе вопросы)⁴⁾.

В. В. Латышев.

Но особенно многочисленны и важны для историка, интересующагося судьбою древне-греческихъ колоній въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, труды В. В. Латышева (род. въ 1855 г.), занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ эпиграфистовъ⁵⁾. Начиная съ 1880 г. имъ опубликованъ цѣлый рядъ работъ, перечислять которыя мы здѣсь, конечно, не можемъ⁶⁾. Отмѣтимъ лишь нѣкоторые, напр. „Эпиграфическіе этюды“ (въ Ж. М. Н. Пр., за 1880 и слѣд.), изслѣдованіе „О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ календаряхъ“ (1883); но главный трудъ В. В. Латышева — собраніе всѣхъ сохранившихся греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря (*Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. I т.—1885)⁷⁾, исполненное имъ по порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Въ этомъ собраніи мы имѣемъ свой „Corpus“, занимающій мѣсто наряду съ лучшими изданіями подобнаго рода на Западѣ, сдѣлавшій имя В. В. Латышева хорошо извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ и за предѣлами Россіи, доставившій ему званіе члена нашей Академіи Наукъ и члена-корреспондента Берлинской академіи.

Къ этому главному труду примыкаютъ и многія другія работы В. В. Латышева, болѣе или менѣе связанныя съ назван-

¹⁾ Въ Ж. М. Н. Пр., Mittheilungen, Hermes.

²⁾ До нѣкоторой степени его выводы предвосхитилъ нѣмецкій ученый Pomtow (Beiträge zur Topographie von Delphi. 1889; Fasti Delphici, N. Jahrb. 1889), который поставленъ былъ въ гораздо болѣе благоприятныя условія.

³⁾ Ср. рец. О. О. Соколова въ Ж. М. Н. Пр., 1895, дек., и С. А. Жебелева въ „Филол. Обзор.“, X.

⁴⁾ Ср. ст. О. О. Соколова въ Ж. М. Н. Пр., и С. А. Жебелева въ „Филолог. Обзор.“, XX.

⁵⁾ О немъ см. „Биографич. словарь профессоровъ и преподават. Импер. Спб. Унив. за 1869—94“. Спб. 1896, т. I.

⁶⁾ См. перечень ихъ (до 1894 г.) въ названномъ „Биографич. Словарѣ“. Ср. И. В. Помяловскій, Отчетъ объ эпиграф. трудахъ В. В. Латышева (Зап. Имп. Русск. Арх. Общ., 1886, I).

⁷⁾ См. выше, стр. 20; въ 1901 г. вышелъ IV т. ихъ, содержащій Supplementa за 1885—1900 г.

нымъ собраніемъ, напр. доклады В. В. Латышева на Одесскомъ Археологическомъ Съѣздѣ (1884): „Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврич.“¹⁾, „О календаряхъ Тиры, Ольвіи и Херсониса Таврич.“²⁾; диссертация: „Исслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ г. Ольвіи“ (1887)³⁾; „Краткій очеркъ Восторскаго царства“ (Симфероп. 1893)⁴⁾; „Дополненія и поправки къ Собранію древн. греч. и лат. надписей сѣвер. побережья Чернаго моря“ (1889, 1891, 1893)⁵⁾; „Греч. и латин. надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1889—91 г.“ (1882)⁶⁾; Сборникъ надписей, находящихся въ музеѣ г. Суручана въ Кишиневѣ (1894)⁷⁾; „Сборникъ греч. надписей христіанскихъ временъ изъ южн. Россіи“ (1896), и проч. Отчасти въ связи съ этимъ стоитъ еще одинъ трудъ В. В. Латышева, уже не эпиграфическій: это—„Извѣстія древнихъ писателей греч. и латин. о Скиѣи и Кавказѣ“ (*Scythica et Caucasica*), текстъ и русскій переводъ (1893 и слѣд.)⁸⁾.

Наконецъ, къ области эпиграфики относится и одна изъ работъ акад. П. В. Никитина, автора извѣстнаго изслѣдованія: „Къ исторіи аѳинскихъ драматическихъ состязаній“ (Спб. 1882); я разумѣю его „Обзоръ эпиграфическихъ документовъ по исторіи аттической драмы“⁹⁾.

Изъ представленнаго очерка успѣховъ эпиграфики, я думаю, видно, какъ развилось собираніе, изданіе и изученіе надписей въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Къ началу 90-хъ годовъ всѣхъ извѣстныхъ надписей насчитывалось уже до 50000. Съ каждымъ годомъ эпи-

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., 1884, июнь, и на француз. яз.—въ *Bulletin de corresp. hellén.*, IX.

²⁾ Въ „Труд. VI Археол. Съѣзда“.

³⁾ Ж. М. Н. Пр., 1887, янв.—апр., и отдѣльно.

⁴⁾ Русск. перев. „Введенія“ (на лат. яз.) ко II т. Сборника (1890), содержащему надписи Боспорскаго царства.

⁵⁾ IV, V и VII т. „Зап. Имп. Русск. Археол. Общ.“.

⁶⁾ „Матер. по археологіи Россіи“, изд. Имп. Археол. Коммиссіей. Здѣсь обработана между проч. одна изъ любопытнѣйшихъ надписей, найденная К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ въ 1890—1 г. и изданная В. В. Латышевымъ также въ *Sitzungsber. d. Berl. Akad. d. Wiss.*, 1892, XXVII, — именно „Присяга херсонесцевъ“.

⁷⁾ Изд. совмѣстно съ г. Суручаномъ; *Šurutschan-Latyschev, Inscript. graecae et latinae novissimis annis (1889 - 94) Museo Šurutschaniano quod est Kischinevi inlatae*. Спб. 1894.

⁸⁾ Переводъ сдѣланъ В. В. Латышевымъ при сотрудничествѣ другихъ лицъ.

⁹⁾ Ж. М. Н. Пр., 1881, дек.

графическій матеріалъ все растеть; не проходить, можно сказать, дня, чтобы не открывалась новая надпись...

Рископки.

Еще замѣчательнѣе успѣхи археологіи—въ широкомъ смыслѣ—въ рассматриваемый періодъ ¹⁾. Поразительныя открытія Шлимана ²⁾ относятся именно къ 70-мъ и 80-мъ годамъ истекшаго вѣка.

XIX столѣтіе, подобно переходной эпохѣ, лежащей на рубежѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, по справедливости можетъ быть названо вѣкомъ великихъ изобрѣтеній и великихъ открытій. Но въ XV и началѣ XVI ст. отважные мореплаватели, какъ Колумбъ, и смѣлые авантюристы, такъ называемые conquistador'ы, подобные Кортесу и Пизарро, открывали Новый свѣтъ и новыя страны; въ наше же время дѣйствуютъ больше открыватели другого рода: изъ нѣдръ земли, изъ-подъ слоя многовѣкового мусора, они извлекаютъ развалины древнихъ городовъ, храмовъ и дворцовъ, гробницы и муміи знаменитыхъ царей, надписи, свитки папируса и цѣлыя библіотеки, утварь, оружіе и т. под. остатки далекаго прошлаго, и такимъ образомъ предъ нами открывается новый міръ, со своими народами, языками, съ своеобразной культурой, о существованіи которой раньше и не подозревали или лишь смутно догадывались.

¹⁾ Diehl, Excursions archéologiques en Grèce. P. 1890; Sal. Reinach, Chroniques d'Orient. Documents sur les fouilles et découvertes dans l'Orient hellénique de 1883 à 1890. P. 1891; Percy Gardner, New chapters in greek history. 1892; А. А. Павловскій, Значеніе и успѣхи классической археологіи (Зап. Новор. Унив., 1892, т. 57); В. К. Мальмбергъ, Успѣхи современ. археологіи (Изв. Уч. Зап. Юрьевск. Унив., 1896, № 1).

²⁾ См. выше, стр. 7—10; кромѣ упомянутой тамъ, въ примѣч., литературы см. еще: Nelson, Heinr. Schliemann und seine Homerische Welt. Leipz. 1900 (Biogr. Volksbücher); Joseph, Heinr. Schliemann. 2-te Aufl. Berl. 1901; Furtwängler u. Löschke, Mykenische Vasen. Berlin. 1886; Furtwängler, Die antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im class. Alterthum. Leipz. 1900. 3 Bde; Joseph, Die Paläste des homer. Epos, mit Rücksicht auf die Ausgrabungen Schliemanns. Berl. 1893; Reichel, Ueber Homerische Waffen. Wien. 1894; Heinrich, Troja bei Homer und in der Wirklichkeit. Graz. 1895 (Progr.); Helbig, Sur la question Mycénienne. P. 1896 (Extrait des Mémoires de l'Académie des Inscript. et Belles-lettres. T. 35); ср. рец. въ Classic. Review, 1896, oct., и Б. В. Фармаковскаго, Микены и Финикія (Филол. Обзор., XI, 1896); Busolt, Die älteste Culturepoche Griechenlands (Deutsche Rundschau, 1896, Mai—Juni); Hall, The oldest civilisation of Greece. 1901; Ridgeway, The early Age of Greece. 1901; главный теперь трудъ о Троѣ—Dörpfeld'a, Troja und Ilion, 2 Bde (долженъ выйти въ скоромъ времени).

Генрихъ Шлиманъ принадлежалъ къ числу такихъ великихъ открывателей нашего времени. Имя его пользуется особенною извѣстностью и популярностью. И это вполне понятно: имя Шлимана связано съ именами Трои, Микенъ, Тиринѳа, городовъ, окруженныхъ ореоломъ легендарной славы. Его находки пролили новый свѣтъ на гомерическій вопросъ и гомерическую эпоху, на древнѣйшій періодъ греческой исторіи, на давнія культурныя связи и взаимодѣйствія странъ, прилегающихъ къ восточной половинѣ Средиземнаго моря; онъ открылъ такъ называемую „Микенскую культуру“. Самая судьба Шлимана замѣчательная, почти сказочная, и его біографія полна глубокаго интереса: тутъ предъ нами новое доказательство того, что значитъ энтузіазмъ, вѣра въ свое дѣло и энергія. Самъ Шлиманъ познакомилъ насъ съ своею сказочною судьбою, давъ намъ свою автобіографію въ началѣ книги „Ilios“, и каждое свое открытіе онъ сопровождалъ изданіемъ подробнаго отчета, выходившаго обыкновенно въ видѣ объемистаго тома, со множествомъ рисунковъ, съ предисловіемъ извѣстныхъ ученыхъ, большею частью одновременно на трехъ языкахъ—нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ.

Генрихъ Шлиманъ—сынъ бѣднаго протестантскаго пастора—родился въ Мекленбургѣ-Шверинѣ, въ 1822 г. Въ своей автобіографіи онъ указываетъ на тѣ впечатлѣнія дѣтства, подѣ влияніемъ которыхъ зародилась въ немъ страсть къ археологіи и мечта объ открытіи гомерической Трои. Въ мѣстечкѣ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, ходило немало разсказовъ о таинственныхъ кладяхъ, зарытыхъ по сосѣдству. Особенно-же любопытство ребенка возбуждалъ старинный средневѣковый замокъ, съ крѣпкими стѣнами, съ таинственными ходами, о владѣльцѣ котораго существовали разныя невѣроятныя преданія. Однажды отецъ Шлимана, любившій древнюю исторію и часто разсказывавшій сыну о Троянской войнѣ, подарилъ ему на Рождество иллюстрированную „Всемирную исторію для дѣтей“, гдѣ между прочимъ изображена была и обѣята пламенемъ Троя съ ея стѣнами и Скейскими воротами, и мальчикъ пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, что именно въ такомъ видѣ существовала нѣкогда Троя, что ея колоссальныя стѣны не могли быть окончательно разрушены, а лишь скрыты подѣ мусоромъ столѣтій, и что онъ впослѣдствіи откапаетъ Трою. Ему было тогда всего только 8 лѣтъ. Но, казалось, этимъ мечтамъ не суждено было сбыться: вскорѣ семью Шлимана постигаетъ рядъ несчастій, и онъ долженъ былъ покинуть сначала гимназію, куда

онъ было поступилъ, потомъ и реальное училище, и наняться сидѣльцемъ въ мелочную лавку; ему было тогда 14 лѣтъ. Здѣсь Шлиманъ занятъ былъ съ утра до вечера,—продавалъ масло, кофе, картофель, соль, подметалъ лавку и т. д. Тутъ уже было не до образованія. Но среди этой тяжелой обстановки Шлиманъ не оставлялъ мечты о Троѣ. Онъ рассказываетъ въ своей автобіографіи, какъ памятенъ остался для него на всю жизнь тотъ вечеръ, когда однажды въ лавку вошелъ пьяный мельникъ, получившій порядочное образованіе, знавшій наизусть сотни стиховъ Гомера и начавшій ихъ декламировать съ большимъ одушевленіемъ. Шлиманъ не понималъ ни слова (онъ не зналъ греческаго языка), но мелодичный языкъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе; слезы текли по его лицу; онъ угостилъ мельника на тѣ немногіе пфенниги, которые были у него въ карманѣ и которые составляли почти все его состояніе.

Между тѣмъ здоровье Шлимана пошатнулось; онъ сталъ страдать кровохарканьемъ; пришлось оставить мѣсто въ лавкѣ. Тогда онъ пѣшкомъ идетъ въ Гамбургъ. Но здѣсь не находятъ мѣста: больного никто не хотѣлъ держать. Въ отчаяніи Шлиманъ рѣшается поступить юнгой на корабль, плывшій въ Америку, въ Венецуэлу. Но у голландскихъ береговъ корабль терпитъ крушеніе, и Шлиманъ едва спасается отъ гибели. Теперь онъ очутился въ чужой странѣ, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Но о возвращеніи на родину Шлиманъ не думалъ: такъ горька была его жизнь тамъ. Онъ рѣшился искать счастья въ Амстердамѣ, поступить тамъ хотя бы въ солдаты. По дорогѣ туда онъ долженъ былъ просить милостыню. Въ Амстердамѣ Шлиманъ долго не могъ пристроиться. Чтобы не умереть съ голоду, онъ притворился больнымъ и поступилъ въ госпиталь. Изъ такого отчаяннаго положенія его вывела помощь одного знакомаго, жившаго въ Гамбургѣ и приславшаго ему порядочную сумму денегъ, собранныхъ въ его пользу, и рекомендаціи. Благодаря этому Шлиманъ получилъ, наконецъ, мѣсто въ одной торговой конторѣ.

Здѣсь занятія его состояли въ томъ, чтобы штемпелевать векселя, сдавать и получать письма на почтѣ и т. под. Теперь свободнаго времени было у него сравнительно достаточно, и вотъ Шлиманъ принимается за свое образованіе, прежде всего за изученіе иностранныхъ языковъ. Половину своего годоваго жалованья онъ употреблялъ на это, жилъ на чердакѣ, довольствовался самымъ скуднымъ завтракомъ и обѣдомъ, работалъ же неутомимо.

Началъ онъ съ изученія языка англійскаго. Тутъ онъ держался особой методы: переводовъ не дѣлалъ, а старался побольше громко читать, писалъ упражненія на разные темы, исправлялъ ихъ подъ руководствомъ учителя, заучивалъ потомъ ихъ наизусть и т. д. Чтобы усвоить себѣ хорошее произношеніе, Шлиманъ по воскресеньямъ посѣщалъ англійскую церковь и, слушая проповѣдь пастора, повторялъ про себя каждое ея слово. На посылкахъ онъ всегда имѣлъ при себѣ книгу, изъ которой заучивалъ что-нибудь наизусть; во время долгихъ ожиданій на почтѣ не терялъ времени и читалъ. Благодаря такому неустанному труду, Шлиманъ по прошествіи 6 мѣсяцевъ уже могъ писать и говорить по-англійски. Такимъ же способомъ онъ затѣмъ изучилъ языки французскій, голландскій, испанскій, итальянскій и португальскій. Въ 1844 г. Шлиманъ перешелъ на службу въ другую контору. Здѣсь положеніе его еще болѣе улучшилось. Теперь онъ принимается за изученіе языка русскаго. Дѣло было трудное: учителя нельзя было найти и приходилось учиться по-русски, имѣя подъ рукой лишь грамматику, лексиконъ и плохой русскій переводъ „Похожденій Телемака“. Шлиману казалось, что дѣло пойдетъ успѣшнѣе, если при немъ будетъ кто-нибудь, кому онъ можетъ пересказывать похожденія Телемака. И вотъ онъ нашелъ одного бѣднаго еврея, который за 4 франка въ недѣлю каждый вечеръ приходилъ къ нему на квартиру и слушалъ его декламации, изъ которыхъ не понималъ ни слова. Черезъ 6 недѣль Шлиманъ въ состояніи былъ уже написать письмо по-русски.

Еще болѣе счастливый оборотъ въ судьбѣ Шлимана наступаетъ съ переездомъ его въ Петербургъ (1846), гдѣ онъ поселился сначала въ качествѣ агента торговаго дома, а вскорѣ сталъ вести и самостоятельную торговлю, преимущественно индиго. Счастье необыкновенно благопріятствовало Шлиману. Во время Крымской кампаніи, когда другіе капиталисты опасались пускаться въ большія предпріятія, Шлиманъ расширилъ еще болѣе свои операциі. Въ это время онъ былъ такъ занятъ торговыми дѣлами, что изученіе имъ иностранныхъ языковъ не могло идти попрежнему. Но все-же онъ выучился по-шведски и по-польски. А въ 1856 г. взялся наконецъ за греческій языкъ, изучить который онъ давно уже страстно желалъ, но опасался, что это изученіе слишкомъ увлечетъ его и повредитъ такимъ образомъ его торговымъ дѣламъ. И тутъ онъ придерживался своей обычной, чисто практической методы. Началъ онъ съ языка новогреческаго, а по-

томъ уже перешелъ къ древнегреческому, причемъ на грамматику не тратилъ много времени, а больше читалъ авторовъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ прочелъ всѣхъ главнѣйшихъ греческихъ писателей курсорно, а Одиссею и Иліаду нѣсколько разъ. Затѣмъ Шлиманъ взялся за изученіе латинскаго языка, которому онъ учился еще въ дѣтствѣ, но съ тѣхъ поръ успѣлъ позабыть.

*Раскопки
на Гиссар-
ликъ.*

Въ 1858 г. Шлиманъ предпринимаетъ путешествіе по Европѣ, а затѣмъ ѣдетъ въ Египетъ и Сирію; по дорогѣ учится арабскому языку; лѣтомъ 1859 г. посѣщаетъ Циклады и Аѣины. Но тутъ процессъ, начатый противъ него однимъ русскимъ купцомъ, заставляетъ его возвратиться въ Петербургъ. Ведя процессъ, Шлиманъ снова принимается за торговныя операціи въ широкихъ размѣрахъ, и счастье благопріятствуетъ ему попрежнему. Въ 1863 г. онъ былъ уже миллионеромъ. Онъ рѣшается ликвидировать окончательно свои дѣла (тѣмъ болѣе, что къ тому времени и процессъ ужъ окончился въ его пользу) и приняты за осуществленіе еще съ дѣтства лелѣмой мечты—за открытіе гомерической Трои. Но прежде, чѣмъ всецѣло предаться археологіи, Шлиманъ, по собственному выраженію, хотѣлъ еще „повидѣть свѣтъ“. Въ 1864 г. онъ посѣтилъ сѣверный берегъ Африки, развалины Карфагена, а затѣмъ отправился въ Индію, къ берегамъ Китая и Японіи и въ Америку. Дорогой онъ пишетъ первую свою книгу: „Китай и Японія“ (на франц. яз.). Въ 1866 г. Шлиманъ возвратился въ Европу и поселился въ Парижѣ. Тутъ онъ принялся за изученіе археологіи; онъ готовился наконецъ осуществить мечту всей своей жизни.

Въ 1868 г. Шлиманъ посѣтилъ Ионическіе острова, въ томъ числѣ Итаку, какъ родину Одиссея, затѣмъ Пелопоннесъ и Аѣины, а отсюда ужъ отправился въ Троаду для предварительныхъ раскопокъ на мѣстѣ Трои. Дѣло въ томъ, что прежде всего нужно было рѣшить спорный вопросъ, гдѣ искать древнюю Трою? Относительно этого, какъ мы уже говорили въ началѣ (стр. 7), существовало нѣсколько мнѣній: въ древности господствовало убѣжденіе, что гомерическая Троя находилась тамъ, гдѣ въ греко-римскую эпоху былъ „Новый Иліонъ“, а съ конца прошлаго столѣтія стало распространеннымъ мнѣніе, по которому гомерическую Трою слѣдовало искать нѣсколько южнѣе и далѣе отъ морскаго берега, у нынѣшней деревни Бунарбаши. Шлиманъ, прибывъ въ Троаду и сдѣлавъ предварительныя изслѣдованія, вскорѣ убѣдился, что послѣднее мнѣніе неосновательно, что разъ существовала въ дѣйствительности древняя Троя, то ее слѣдуетъ ис-

катъ на холмѣ Гиссарликъ, т. е. тамъ, гдѣ въ греко-римскую эпоху находился „Новый Иліонъ“. И онъ рѣшилъ именно здѣсь предпринять свои грандіозныя раскопки.

За эти раскопки онъ окончательно принялся по полученіи разрѣшенія отъ турецкаго правительства—осенью 1871 г. и производилъ ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ, исключительно на свои собственные средства. Энергичною помощницею Шлимана въ дѣлѣ раскопокъ является его вторая жена, Софья, родомъ гречанка, такая-же почитательница Гомера, какъ и онъ самъ. Удивительны то увлеченіе, то терпѣніе и энергія, которыя обнаружили Шлиманъ и его жена въ своихъ поискахъ за гомерическою Троею. Имѣя возможность жить среди полного комфорта и роскоши, они добровольно взяли на себя великій трудъ, мирились съ тяжелыми условіями бивуачной жизни, переносили всевозможныя неудобства, терпѣли зной и стужу. Особенно тяжело было для Шлимана и его жены начало 1873 г., когда работы, на зиму обыкновенно прекращавшіяся, возобновлены были очень рано, въ самомъ началѣ февраля. Сквозь деревянныя стѣны дома, построеннаго Шлиманомъ, дулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, нельзя было зажечь лампы, холодъ въ комнатахъ достигалъ до 4° по Р., вода замерзала. Днемъ все это было еще сносно, благодаря тому, что приходилось быть въ постоянномъ движеніи на воздухѣ, но вечеромъ, говорить Шлиманъ въ своей автобіографіи, „кромѣ нашего одушевленія къ великому дѣлу открытія Трои, мы не имѣли ничего, что согрѣвало бы насъ“. Но за то именно въ 1873 г. раскопки Шлимана шли особенно успѣшно; тогда открытъ былъ имъ большой кладъ, открытый имъ собственноручно. Любопытны подробности этого открытія. Рабочіе натолкнулись, во время раскопокъ, на золотой предметъ. Шлиманъ тотчасъ догадался, что тутъ скрывается важная находка; но онъ опасался, что рабочіе могутъ похитить вещи. И вотъ, чтобы спасти находку отъ алчности рабочихъ, онъ даетъ раньше обыкновеннаго времени сигналъ для завтрака; рабочіе удаляются, а самъ онъ собственноручно принимается за раскопку, можно сказать, съ опасностью жизни—такъ какъ стѣна, подъ которой приходилось копать, ежеминутно грозила обрушиться—; а жена Шлимана прятала отрытыя вещи подъ мантилію и уносила въ домъ. Такъ открытъ былъ и спасенъ для науки „большой кладъ“. Этотъ кладъ состоялъ изъ нѣсколькихъ серебряныхъ слитковъ, многихъ сосудовъ (мѣдныхъ, серебряныхъ, золотыхъ) разной формы и величины, причемъ въ одной изъ серебряныхъ вазъ найдено двѣ ве-

ликолѣпныхъ діадемы, головная повязка, множество мелкихъ золотыхъ вещицъ (до 8700), немало серегъ, браслетовъ, два кубка и т. д.; кромѣ того, въ составъ клада входило оружіе изъ бронзы.

Въ 1874 г. Шлиманъ на время пріостановилъ свои раскопки на Гиссарликѣ и обнародовалъ результаты своихъ изслѣдованій въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Trojanische Alterthümer“ (потомъ вскорѣ-же вышелъ франц. и англійскій переводъ ея). Тутъ ярче всего сказался энтузіазмъ Шлимана, его благоговѣніе и преклоненіе предъ Гомеромъ. Для него гомерическія поэмы—подлинный историческій источникъ, болѣе того—священная книга, свидѣтельство которой непреложно. По Шлиману, все до мельчайшихъ подробностей должно было быть и въ дѣйствительности именно такъ, какъ говорится у Гомера. Нужно замѣтить, что въ послѣдствіи онъ сдѣлался осторожнѣе въ своихъ выводахъ и гипотезахъ.

Слѣдующіе затѣмъ годы Шлиманъ проводитъ въ изслѣдованіяхъ на мѣстѣ древнихъ Микенъ, изслѣдованіяхъ, давшихъ столь поразительные результаты, въ раскопкахъ на Итакѣ, хлопотахъ о новомъ фирманѣ для дальнѣйшихъ раскопокъ на Гиссарликѣ. Сюда онъ возвратился лишь осенью 1878 г. Въ слѣдующемъ году въ Троаду, на раскопки Шлимана, прибыли извѣстные ученые—Рудольфъ Вирховъ и Эмиль Бюрнуфъ. Оба они оказали немало содѣйствія Шлиману. Въ 1881 г. Шлиманъ издалъ большой трудъ на англійскомъ языкѣ, тотчасъ-же явившійся и въ нѣмецкомъ переводѣ, трудъ, въ которомъ подробно сообщаетъ о своихъ открытіяхъ и находкахъ на Гиссарликѣ („Pios“). Послѣ того Шлиманъ произвелъ изслѣдованія въ Орхоменѣ (въ Беотіи), гдѣ находилась знаменитая, такъ называемая, „Сокровищница царя Минія“.

Но и въ послѣдствіи Троя продолжала привлекать къ себѣ Шлимана. Въ 1882 г. онъ опять возобновилъ раскопки на Гиссарликѣ, при содѣйствіи извѣстнаго ученаго архитектора Дерпфельда. Результаты новыхъ своихъ открытій Шлиманъ обнародовалъ въ книгѣ „Troja“. Большую часть своихъ троянскихъ находокъ Шлиманъ, не смотря на выгодныя предложенія Англіи, принесть въ даръ Германіи¹⁾.

На результатахъ открытій Шлимана на Гиссарликѣ мы здѣсь не можемъ подробно останавливаться. Оtmѣтимъ только самое существенное. По Шлиману, на Гиссарликѣ существовало 7 горо-

¹⁾ См. выше, стр. 9, прим. 3.

довъ, послѣдовательно возникавшихъ одинъ на мѣстѣ другого; изъ этихъ городовъ—5 доисторическихъ, 6-й—лидійскій, а 7-й—греко-римскій „Новый Иліонъ“. Наиболѣе интересны два древнѣйшихъ поселенія, первый и второй городъ, считая отъ материка.

Отъ перваго города сохранились небольшіе остатки нѣсколькихъ параллельныхъ стѣнъ, затѣмъ жилищъ, много каменныхъ орудій (между прочимъ изъ нефрита) и глиняныхъ черныхъ сосудовъ, крайне примитивныхъ. Второй городъ, по мнѣнію Шлимана, и былъ гомерическая Троя. Отъ этого города сохранилась довольно хорошо окружная стѣна, съ башнями и воротами, а внутри—остатки большаго зданія, оказавшагося дворцомъ, съ портиками, съ 2 половинами, мужской и женской, съ залой (гомерич. мегаронъ) и очагомъ. Изъ находокъ, сдѣланныхъ въ слобѣ втораго города, особенно замѣчательнъ упомянутый уже выше большой кладъ. Изъ сосудовъ обращаютъ на себя вниманіе особенно тѣ, которые имѣютъ изображеніе головы (по Шлиману, это голова совы, по Вирхову—неумѣлое изображеніе головы человѣческой). Оружіе—преимущественно бронзовое. Замѣчательно, что на Гиссарликѣ не найдено совсѣмъ мечей, а есть только копья и стрѣлы. Желѣзо составляло величайшую рѣдкость; лишь въ 1890 г. Шлиманъ нашелъ здѣсь пару желѣзныхъ предметовъ.

Но Шлиманъ ошибся, принявъ этотъ второй городъ за гомерическую Трою; онъ, всю жизнь мечтавшій объ открытіи Трои, не дожидъ до того момента, когда его сотрудникомъ Дерпфельдомъ открыты были на томъ же Гиссарликѣ древности города, который скорѣе всего можно отождествить съ Троей Гомера: это—такъ называемый шестой городъ, относящійся къ микенской эпохѣ, тогда какъ культура втораго города древнѣе не только гомерической, но и микенской.

Что касается типа и характера троянской культуры, открытой Шлиманомъ на Гиссарликѣ, то наряду съ чертами чрезвычайно своеобразными, въ ней имѣются точки соприкосновенія съ другими культурами древняго міра, въ томъ числѣ и съ микенскою.

Еще важнѣе по своимъ результатамъ открытія Шлимана въ Микенахъ. Микены.

Въ легендарной исторіи Греціи Микены играютъ видную роль. Преданіе гласитъ, что ихъ воздвигъ Персей, причемъ ихъ строителями были циклопы. Въ числѣ микенскихъ царей легенды называютъ Еврисею, на службѣ которому Геркулесъ совершилъ

свои знаменитые двѣнадцать подвиговъ, и Агамемнона, вождя грековъ подъ Троей. Микены были театромъ трагическихъ событій и сценъ—гибели Агамемнона, убитаго вмѣстѣ со своими спутниками вѣроломною своею женою Клитемнестрою и ея возлюбленнымъ Эгистомъ, горя Электры и кроваваго мщенія Ореста за смерть отца. Вообще поэтическія сказанія грековъ говорятъ намъ о былой славѣ, богатствѣ и могуществѣ Микенъ, а Гомеръ прямо называетъ ихъ „златообильными“. Въ преданіяхъ Микены являлись центромъ сильнаго и богатаго царства, резиденціей могучихъ владыкъ. Открытія Шлимана блистательно подтвердили это. Давно уже извѣстны были развалины Микенъ—остатки стѣнъ, сложенныхъ изъ колоссальныхъ камней, съ знаменитыми „Львиными воротами“, и куполообразная могила, слывшая подъ именемъ „Сокровищницы царя Атрея“. Объ этихъ развалинахъ, свидѣтельствовавшихъ о быломъ величій Микенъ, говоритъ и Павсаній, греческій писатель II в. по Р. Хр. Въ 1876 г. Шлиманъ подробнѣе изслѣдовалъ эти памятники и кромѣ „Сокровищницы царя Атрея“ открылъ еще нѣсколько подобныхъ-же куполообразныхъ могилъ.

Но главное свое вниманіе Шлиманъ сосредоточилъ на микенскомъ акрополѣ. Еще въ концѣ 60-хъ годовъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что могилы Агамемнона и его спутниковъ, о которыхъ говоритъ Павсаній, слѣдуетъ искать не внѣ, а внутри акрополя. И вотъ онъ задался мыслью открыть эти могилы. 7 августа 1876 г. внутри акрополя, недалеко отъ Львиныхъ воротъ, раздались первые удары заступа, а черезъ нѣсколько уже недѣль передъ глазами Шлимана открылся міръ новой, дотолѣ неизвѣстной намъ культуры. Не будемъ здѣсь подробно описывать находки Шлимана; напомнимъ только (см. выше, стр. 9), что Шлиманъ открылъ тутъ кругъ, состоящій изъ двойнаго ряда или кольца каменныхъ плитъ, ниже этого круга—алтарь циклопической постройки, затѣмъ нѣсколько каменныхъ стелъ, изъ которыхъ на нѣкоторыхъ изображены сцены охоты и сраженія, напр. колесница, запряженная лошадью, вооруженный мечомъ воинъ, а внизу и вверху—спирали, обычный орнаментъ на микенскихъ памятникахъ, и, наконецъ, еще ниже открыто 5 могилъ. Въ этихъ могилахъ оказалось до 17 тѣлъ, въ томъ числѣ нѣсколько женскихъ и дѣтскихъ. Тѣла, можно сказать, были завалены драгоценностями всякаго рода. Тутъ были золотыя маски, діадемы, нагрудники, перевязи, бляхи, украшавшія одежду, перстни съ прекрасными изображеніями охоты и сраженія, браслеты, масса оружія (особенно замѣчательны бронзовые

мечи съ изображеніями, напр., борьбы со львами и т. п.), множество сосудовъ металлическихъ, нерѣдко очень массивныхъ, глиняныхъ, отличавшихся легкостью, изображенія бычачьихъ головъ, разнаго рода животныхъ, натуральное страусовое яйцо, нѣсколько золотыхъ идольчиковъ, изображающихъ божество въ родѣ Астарты, и т. д. и т. д.

Таковы были открытія Шлимана въ Микенахъ. Успѣхъ былъ поразительный и превзошелъ самыя смѣлыя его ожиданія. То, что раньше признавалось лишь поэтическимъ вымысломъ, оказалось дѣйствительностью: сказанія о богатствѣ и могуществѣ Микенъ нашли себѣ полное подтвержденіе. Можно даже сказать, что въ данномъ случаѣ поэтическая фантазія во многихъ отношеніяхъ оказалась ниже дѣйствительности. Поэтому намъ вполне понятенъ восторгъ Шлимана, его увлеченіе, его увѣренность, что имъ открыты именно могилы Агамемнона и его спутниковъ, такъ трагически погибшихъ по возвращеніи изъ Трои, хотя мы можемъ и не раздѣлять этой увѣренности, такъ какъ противъ мнѣнія Шлимана говорить многое. Но несомнѣнно то, что могилы, открытыя Шлиманомъ въ Микенахъ,—могилы царскія.

О своемъ открытіи Шлиманъ поспѣшилъ извѣстить греческаго короля телеграммой и въ концѣ ея говорилъ, между прочимъ, что открытыя имъ сокровища „сами по себѣ достаточны для того, чтобы наполнить собою большой музей, который будетъ самымъ чудеснымъ въ мірѣ и который въ теченіе слѣдующихъ столѣтій будетъ привлекать въ Грецію тысячи иностранцевъ со всѣхъ концовъ свѣта“. Дѣло въ томъ, что драгоценныя свои находки, сдѣланныя въ Микенахъ, Шлиманъ, согласно существующему въ Греціи закону, предоставилъ въ распоряженіе греческаго правительства, и онѣ хранятся въ настоящее время въ Афинахъ, въ „Политехніонѣ“.

Очень важнымъ дополненіемъ къ микенскимъ находкамъ Тириносъ. служатъ открытія Шлимана въ другомъ древнемъ городѣ Арголиды—въ Тириноѣ. Тириносъ по преданію—тоже являлся сооруженіемъ циклоповъ; онъ считался даже древнѣе Микенъ, которыя возвысившись затмили его славу и даже подчинили его себѣ. Развалины Тириноа представляли груды камней, еще болѣе колоссальныхъ, нежели тѣ, какія находятся въ Микенахъ. Свои раскопки въ Тириноѣ Шлиманъ производилъ вмѣстѣ съ Дерпфельдомъ, главнымъ образомъ въ 1884 г. Въ результатъ ихъ разысканій оказалось—пролитіе новаго свѣта на систему тириносскихъ

укрѣплений и открытіе остатковъ громаднаго дворца, по своему плану совершенно напоминающаго дворцы, описываемые Гомеромъ. Оказывается, что въ тиринескихъ стѣнахъ была сѣтъ подземныхъ галлерей и камеръ со стрѣльчатымъ сводомъ, своего рода казематовъ, служившихъ, по всей вѣроятности, магазинами или кладовыми, что въ этихъ стѣнахъ было 2 входа или ворота. Тутъ мы видимъ цѣлую сложную систему укрѣплений, устроенныхъ по строго обдуманному плану. Чтобы выполнить подобный планъ, чтобы, напр., возвести стѣны изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, вѣсившихъ до 200 и даже до 800 пудовъ каждый, нужны были, конечно, болѣе или менѣе опытные и искусные архитекторы, цѣлые отряды рабочихъ и громадные средства! Что касается тиринескаго дворца, открытаго Шлиманомъ и Дерпфельдомъ, то тутъ мы видимъ пропилеи, портики, дворъ съ алтаремъ, мужскую половину помѣщенія съ залой (гомерич. мегаронъ), посреди которой возвышался домашній очагъ, съ комнатою, служившею баней, полъ которой состоялъ изъ одного цѣльнаго камня колоссальной величины, вѣсомъ въ 1200 пудовъ; мы видимъ тутъ и гинекей, т. е. женскую половину, и т. д., словомъ видимъ прототипъ гомерическихъ дворцовъ. Стѣны тиринескаго дворца украшены были живописью *al fresco*. Въ Тиринѣѣ извѣстно было 5 красокъ: бѣлая, черная, желтая, красная, голубая. На стѣнахъ изображались не только спирали и розетки, но и цѣлыя сцены,—напр. сохранилась часть картины, представляющей мчащагося быка, а на немъ человѣка, который одной ногой касается спины быка, а другая нога его приподнята.

Таковы главнѣйшіе памятники, которые открыты были Шлиманомъ.

Послѣдніе
годы
Шлимана.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ годахъ жизни Шлимана. Въ эти годы время, свободное отъ раскопокъ и путешествій, Шлиманъ проводилъ обыкновенно въ Аѣинахъ. Тамъ онъ выстроилъ себѣ обширный домъ или дворецъ, въ которомъ все напоминало Гомера. Увлеченіе Шлимана Гомеромъ и вообще греческими мифами доходило до того, что онъ прислугѣ давалъ имена греческихъ героевъ и героинь, а его сынъ и дочь отъ втораго брака носятъ имена Агамемнона и Андромахи. Но не подолгу проживалъ Шлиманъ въ своемъ аѣинскомъ дворцѣ. И послѣдніе годы онъ немало путешествовалъ и немало совершилъ раскопокъ, по своимъ результатамъ, конечно, далеко уступающимъ его открытіямъ на Гиссарликѣ, въ Микенахъ и Тиринѣѣ.

За годъ до смерти Шлиманъ опять посѣщаетъ Трою и принимается за новыя розысканія: ему приходилось отстаивать свое дѣло отъ нападокъ яраго противника, выступившаго съ теоріей, которая подрывала все значеніе сдѣланныхъ открытій. Этимъ противникомъ былъ Эрнстъ Беттихеръ, утверждавшій, что открытый Шлиманомъ на Гиссарликѣ „второй городъ“ есть не что иное, какъ некрополь, и обвинявшій Шлимана и Дерпфельда даже въ недобросовѣстности. Тогда Шлиманъ предложилъ Беттихеру отправиться въ Троаду, чтобы на мѣстѣ убѣдиться, кто изъ нихъ правъ, причемъ всѣ расходы по такому путешествію бралъ на себя. Противники съѣхались на Гиссарликѣ въ декабрѣ 1889 г. Тогда же составленъ былъ протоколъ осмотра Гиссарлика, а весною 1890 г. международная конференція рѣшила споръ въ пользу Шлимана. Тѣмъ не менѣе Шлиманъ рѣшился предпринять новыя раскопки на Гиссарликѣ. Эти раскопки продолжались до августа 1890 г. Шлиманъ надѣялся возобновить ихъ на слѣдующую весну. Но въ декабрѣ того-же года онъ скончался въ Неаполѣ отъ болѣзни уха, осложненной мозговыми страданіями. Похороненъ Шлиманъ въ Афинахъ.

Въ своемъ предисловіи къ книгѣ Шлимана: „Ilios“, Вирховъ замѣчаетъ, что въ томъ увлеченіи и фантазіи, которыя составляютъ слабую сторону Шлимана, кроется вмѣстѣ съ тѣмъ и тайна его успѣха. И въ самомъ дѣлѣ, безъ воодушевленной вѣры въ дѣйствительность своихъ грезъ, всего того, что описываетъ Гомеръ, Шлиманъ не могъ бы совершить того, что онъ совершилъ. Мы можемъ отвергать его выводы и толкованія, какъ не выдерживающіе критики, какъ фантастическіе; но отъ этого не умалятся значеніе сдѣланныхъ имъ открытій и находокъ: онѣ останутся неоцѣненнымъ сокровищемъ въ смыслѣ научнаго матеріала. Шлиманъ, повторяемъ, приподнял ту завѣсу, которая скрывала отъ насъ древнѣйшій періодъ греческой исторіи; онъ открылъ предъ нами новый горизонтъ и поставилъ рядъ проблемъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ придется потрудиться, быть можетъ, еще не одному поколѣнію ученыхъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія, уже по слѣдамъ Шлимана, открыли новый матеріалъ и пролили новый свѣтъ на многіе вопросы. Во многихъ другихъ мѣстностяхъ Эллады были тоже найдены памятники микенской культуры. О результатахъ раскопокъ сотрудника Шлимана Дерпфельда и о другихъ открытіяхъ въ

области микенской культуры, относящихся уже къ 90-мъ годамъ XIX ст., и упомяну далѣе.

Послѣ открытій Шлимана важнѣйшія предпріятія въ этомъ родѣ были—раскопки нѣмцевъ въ Олимпіи и въ Пергамѣ. Онѣ происходили почти въ одно время съ тѣмъ, какъ Шлиманъ открывалъ троянскія и микенскія древности.

Раскопки
въ
Олимпіи.

Олимпія, священное въ глазахъ эллиновъ мѣсто, гдѣ происходили ихъ національныя игры, представляла собой своего рода музей грековъ¹⁾: тутъ были собраны священные дары или приношенія съ разныхъ концовъ эллинскаго міра, отъ государствъ и отдѣльныхъ лицъ; тутъ были алтари и храмы; множество статуй боговъ, героевъ и атлетовъ (въ римскую эпоху этихъ статуй насчитывали болѣе 3000), произведенія знаменитыхъ художниковъ и проч. При императорѣ Θεодосіи I олимпійскія игры были запрещены и многіе памятники искусства изъ Олимпіи перевезены въ Константинополь, въ томъ числѣ знаменитая статуя Зевса работы Фидія, впоследствии тамъ, въ Константинополѣ, и погибшая во время пожара. Затѣмъ многое подвергли разрушенію и грабежу готы Алариха. Олимпія опустѣла. Θεодосій II приказалъ сжечь ея зданія. Землетрясенія и наводненія довершили дѣло разрушенія. Развалины зданій, памятники, мѣсто, гдѣ происходили состязанія, все это мало-по-малу занесено было иломъ и толстымъ слоемъ песку, на 5 или 6 метровъ въ глубину.

О раскопкахъ въ Олимпіи едва-ли не первый заговорилъ бенедиктинецъ Montfaucon, въ XVIII в. О нихъ мечталъ Винкельманъ; онъ былъ увѣренъ, что открытія въ Олимпіи превзойдутъ всякія ожиданія и прольютъ новый свѣтъ на исторію греческаго искусства, и горячо пропагандировалъ мысль о необходимости произвести раскопки въ Элидѣ. Въ 1766 г. англичанинъ Chandler посѣтилъ мѣсто, гдѣ находилась Олимпія, и нашелъ тамъ развалины храма, признаннаго вслѣдъ затѣмъ (Fauvel'емъ) за храмъ Зевса.

Собственно первыя раскопки въ Олимпіи были произведены уже извѣстною намъ (см. выше, стр. 317) французскою экспедиціею 1829 г.; найдены были нѣкоторые остатки скульптурныхъ памятниковъ, метопъ съ изображеніемъ Геркулеса, усмиряющаго критскаго быка, и т. под.; но эти раскопки вскорѣ были прерваны.

¹⁾ Кромѣ указанныхъ на стр. 10, прим. 5, изданій, см. Diehl, Excursions archéologiques, P. 1890; Nachtmann, Olympia und seine Festspiele. Gütersloh, 1899 (Gymnasial-Bibliothek).

Настоящія раскопки въ Олимпіи, по широкому плану, начались въ 70-хъ годахъ и были дѣломъ прежде всего Эрнста Курціуса. Мы видѣли, что еще въ 1852 г. Курціусъ обращался съ призывомъ — произвести раскопки въ Олимпіи; но тогда обстоятельства не благоприятствовали; онъ не встрѣтилъ надлежащаго сочувствія и отклика, и только черезъ 20 съ лишкомъ лѣтъ послѣ того онъ увидѣлъ осуществленіе давней мечты своей и своего учителя, К. О. Миллера.

Послѣ кровавой войны 1870—1 г. у нѣмцевъ явилось, какъ говоритъ самъ Курціусъ, благородное желаніе совершить мирное дѣло, въ интересахъ науки, и германское правительство рѣшило произвести на свой счетъ раскопки въ Олимпіи (1874 г.). Кронпринцъ Фридрихъ, воспитанникъ Курціуса, взялъ на себя инициативу и посредничество въ этомъ дѣлѣ. Курціусу поручено было заключить договоръ съ греческимъ правительствомъ касательно раскопокъ, и германскій рейхстагъ единогласно вотировалъ сотни тысячъ на эти раскопки, не смотря на то, что всѣ найденные предметы должны были оставаться въ Греціи, а на долю Германіи доставалась лишь слава.

Въ октябрѣ 1875 г. приступлено было къ раскопкамъ, а весною 1881 г. онѣ были закончены. Велись онѣ съ замѣчательною осторожностью, по образцовому методу. Во главѣ дѣла стояли Э. Курціусъ, Адлеръ и членъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. На мѣстѣ находилась коммиссія изъ археологовъ (напр. Гиршфельдъ, Фуртвенглеръ, Пургольдъ) и архитекторовъ (Беттихеръ, Дерпфельдъ). Въ ихъ распоряженіи было до 300 рабочихъ. Работы производились въ теченіе 6 лѣтъ ежегодно, съ октября по мартъ, и раскопки стоили Германіи 800000 марокъ. Раскопанъ былъ не только священный округъ (Альтисъ), но и окрестныя зданія, служившія помѣщеніемъ для лицъ, завѣдывавшихъ играми, и для гостей. Предъ нашимъ взоромъ теперь открывается весь планъ Олимпіи. О богатствѣ находокъ могутъ дать понятіе слѣдующія цифры: въ общемъ открыто было 130 статуй или барельефовъ мраморныхъ, 13000 бронзовыхъ предметовъ, 6000 монетъ, 400 надписей, 1000 предметовъ изъ терракотты, 40 памятниковъ, и въ числѣ находокъ—такія произведенія, какъ фронтоны храма и Гермесъ Праксителя! На мѣстѣ раскопокъ воздвигнутъ былъ музей на средства грека Сингроса, и въ немъ помѣщены найденныя древности.

Курциусъ съ особеннымъ интересомъ наблюдалъ за ходомъ раскопокъ. Онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Олимпію и принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ тѣхъ вопросовъ, которые возникали по поводу открытій. При его участіи издавались ежегодные отчеты — „Ausgrabungen von Olympia“ и „Funden von Olympia“; совместно съ Адлеромъ имъ издано топографическое описаніе Олимпіи и ея окрестностей („Olympia und Umgegend“, 1882), а въ 90-хъ годахъ предпринято огромное роскошное изданіе — „Olympia“, съ объяснительнымъ текстомъ, въ которомъ перу Курциуса принадлежитъ: „Исторія раскопокъ“ и „Исторія Олимпіи“.—Всеобщее признаніе заслугъ Курциуса въ дѣлѣ раскопокъ въ Олимпіи ярко сказалось по случаю празднованія его 80-лѣтія. По этому поводу рѣшено было поставить мраморный его бюстъ на самомъ мѣстѣ раскопокъ, въ Олимпіи, у входа въ воздвигнутый тамъ музей. Торжественное открытіе этого бюста послѣдовало въ апрѣлѣ 1895 года, и тутъ представители различныхъ странъ, не только Германіи, но и Греціи, Англіи, Америки, даже Франціи въ лицѣ директора Французской школы въ Аѣинахъ Омолия, наперерывъ воздавали заслуженную хвалу Курциусу.

Раскопки
въ
Пергамѣ.

Еще богаче и во всякомъ случаѣ неожиданнѣе были результаты раскопокъ въ Пергамѣ¹⁾, произведенныхъ при содѣйствіи и на средства Пруссіи, хотя и съ гораздо меньшими затратами. Эти раскопки открыли дивныя и грандіозныя произведенія искусства и показали, какъ процвѣтало оно въ тѣ времена, которыя считались эпохой упадка, и до какой степени реализма доходили греческіе художники.

Пергамъ — древній городъ въ Малой Азіи (въ Мизіи), въ долину Каика, расположенный на возвышенности, нѣкогда столица Пергамскаго царства и центръ эллинизма въ Азіи, теперь — довольно значительный городъ Бергама (съ 18000 жителей), который находится у подножія древняго акрополя. Самостоятельная политическая жизнь Пергама продолжалась недолго, какихъ-ни-

¹⁾ См. выше, стр. 10, прим. 6. Кроме того, см. Pergame. Restauration des monuments de l'Acropole. Restauration par Pontremoli, texte par Collignon. P. 1900; Ussing, Pergamos, seine Geschichte und Monumente. Berlin-Stuttg. 1899 (нѣм. обработка датск. изданія); на рус. яз. ср. „Археол. хронику“ С. А. Жебелева въ „Филол. Обзор.“, XVII, 2, 1899 (стр. 288 сл.); Nachtmann, Pergamon. Gütersloh. 1900 (Gymnasial-Bibliothek); Н. М. Благовѣщенскій, Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб. 1891, и извѣстное письмо И. С. Тургенева о „Пергамскихъ раскопкахъ“ (1880).